А. А. Казанков

ТЫСЯЧЕЛИКАЯ МАТЬ

ЭТЮДЫ О МАТРИЛИНЕЙНОСТИ
И ЖЕНСКИХ ОБРАЗАХ
В МИФОЛОГИИ

Александр Казанков

Тысячеликая мать. Этюды о матрилинейности и женских образах в мифологии

«Нестор-История»
2017

УДК 397
ББК 63.5

Казанков А. А.

Тысячеликая мать. Этюды о матрилинейности и женских образах в мифологии / А. А. Казанков — «Нестор-История», 2017

ISBN 978-5-4469-1230-8

В настоящей монографии представлен ряд очерков, связанных общей идеей культурной диффузии ранних форм земледелия и животноводства, социальной организации и идеологии. Книга основана на обширных этнографических, археологических, фольклорных и лингвистических материалах. Используются также данные молекулярной генетики и палеоантропологии. Теоретическая позиция автора и способы его рассуждений весьма оригинальны, а изложение отличается живостью, прямотой и доходчивостью. Книга будет интересна как специалистам – антропологам, этнологам, историкам, фольклористам и лингвистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся древнейшим прошлым человечества и культурой бесписьменных, безгосударственных обществ.

УДК 397
ББК 63.5

ISBN 978-5-4469-1230-8

© Казанков А. А., 2017
© Нестор-История, 2017

Содержание

Предисловие редактора. Гимн культурной диффузии 6
Благодарности 10
Введение 11
Глава первая. Матрилинейность и матрицентричность 13
Немного историографии и полемики 13
2. От этнографии к археологии, от археологии к этнографии 17
3. Феномен матрицентричности 28
4. Корреляция между частотой военных столкновений и формами десцента 29
5. Региональные экскурсы: данные этнографии, археологии и истории 30
Африка этнографическая и историческая 30
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Александр Казанков
Тысячеликая мать. Этюды о матрилинейности и женских образах в мифологии

© А. А. Казанков, 2017
© ГОУ ВО РГГУ, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Предисловие редактора. Гимн культурной диффузии

Эпиграфом к этому предисловию могли бы стать слова самого автора книги: «В науке нужны оригинальные идеи, а не помешательство, хотя Нильс Бор, как мы помним, и говорил о “безумии” правильных идей». Или же такое его высказывание: «Интеллектуальная трусость ученым не к лицу».

Только бескрылый ум способен не испытывать мощного и волнующего до экзальтации желания знать, что происходило на нашей Земле в эпоху, не оставившую нам письменных памятников. Между тем трудов, авторы которых отваживаются, опираясь на фундамент строгого научного знания, широкими мазками воссоздавать картины глубокого прошлого, причем картины ойкуменистического размаха, чрезвычайно мало. Особенно это нехарактерно для социальной антропологии и этнологии последних десятилетий. Причины тому – и долгое, почти безраздельное господство постмодернизма в гуманитарных методологиях, и необъятность фактического материала, который неуклонно и стремительно растет как снежный ком.

А. А. Казанков в полной мере проявил ту интеллектуальную смелость, к которой он нас всех призывает. В то же время для реализации своих замыслов он создал поистине огромную базу фактических материалов и изучил массу различных их теоретических интерпретаций. Настоятельно отсылаю читателя к библиографическому списку в конце книги. Проведя подробное редактирование публикуемых текстов, могу засвидетельствовать прекрасное владение автора использованными материалами.

Путь предлагаемой книги к читателю был долог и непрост. Широта поставленных автором задач, непреклонная прямолинейность его диффузионистского мировоззрения, пренебрежение ко многим устоявшимся правилам научного изложения, которое порой доходит до экстравагантности, граничащей с эпатажем, отсутствие всякого страха показаться смешным или нелепым в своих рассуждениях – все это неоднократно вызывало резкий протест у коллег, призванных обсудить рукопись на своих заседаниях. Трудно было обрести необходимую, по нормам научного книгоиздательства, официальную рекомендацию к печати. Несомненно, и будучи напечатанным, труд А. А. Казанкова во многих своих фрагментах вызовет протест у читателей с академической подготовкой. Да и у общего концептуального посыла книги найдется немало противников.

А этот посыл таков: первоначальное производящее хозяйство, основанное на мотыжном земледелии, распространилось из Передней Азии в самые отдаленные районы ойкумены, независимых очагов перехода к земледелию было меньше, чем принято думать в современном научном мире. Вместе с производящим хозяйством распространялись по необъятным пространствам и возникшие у его создателей формы социальной организации – в первую очередь матрилинейный десцент как основа структурирования социальных объединений, – и идеологические представления, связанные с культами женских божеств. У культурной диффузии, воссоздаваемой А. А. Казанковым, было два основных пути: люди двигались по планете, колонизовали все новые территории и внедряли свои культурные стереотипы в культуры тех, кто был там до них; культурные стереотипы как бы сами двигались по планете, передаваясь от сообщества к сообществу в процессах взаимодействия между их представителями.

Второй путь очевиден, а вот с первым, вернее с признанием конкретных его последствий, дело обстоит сложнее. Многие исследователи в этом отношении настроены весьма скептически, некоторые – совершенно непримиримо. Причины тому заключаются отчасти в общеметодологических установках, отчасти в убеждении, что отсутствие строгих доказательств фатально для научных теорий, в том числе и гуманитарных.

Казалось бы, мы все расстались и с классическим эволюционизмом позапрошлого столетия, и с эволюционизмом марксистских подходов, и с функционализмом прошлого века.

Позитивистский функционализм А. Р. Рэдклифф-Брауна не критиковал без всякой пощады только ленивый. И все же нам легче поверить в конвергентное происхождение сходных явлений культуры, чем в заимствование, сознательное насаждение или общий источник, когда сходства обнаруживаются у представителей бесписьменных обществ в таких удаленных друг от друга местах, как, скажем, Южная Америка и Центральная Австралия, Северная Америка и Передняя Азия. Да и трансокеанские плавания доколумбовых времен нельзя считать доказанными.

В ритуальных парафеналиях и религиозных представлениях огнеземельских *она* и центральноавстралийских *аранда* имеются разительные совпадения, но поиск вероятных путей заимствования вызывает чуть ли не смех у многих ученых, а от мысли о том, что эти черты обрядовой жизни сформировались еще на общей древней прародине, солиднейшие исследователи просто отмахиваются. «Нет подходов, неясно, невоспроизводимо, не существует» (Бехтерева 2007:23).

«Проще – не значит правильнее, – пишет А. А. Казанков в одном из разделов своей книги. – …даже если принимать концепцию единообразного стадиального развития человечества (которая, как мы знаем, утверждалась не без влияния со стороны идеологии тоталитарного государства, а значит, не без влияния сугубо вненаучных факторов), невозможно приписать стадиальным закономерностям такие выразительные детали, как, например, закушенный хвост Змеи-Матери» в изображениях и мифологических текстах, найденных и записанных в Африке, Северной Америке или Юго-Восточной Азии. «Слишком специфичны подобные образы, чтобы возникать конвергентно». И здесь я с автором полностью согласна.

Вот ведь парадокс. Мы знаем, что люди из одного центра разошлись по миру и, расходясь, несли с собой всевозможные артефакты. Мы знаем, что в истории человечества была отнюдь не одна эпоха Великих географических открытий. Но, находя поразительно похожие явления в противоположных уголках мира и не находя убедительных объяснений тому, как конкретно могла произойти диффузия, мы склонны отрицать ее самое.

А. А. Казанков предпринимает отважную попытку мысленно проследить некоторые вехи «несения» по свету весьма значимых культурных явлений. В этой попытке он идет на риск наделать массу ошибок, но правота всего замысла очевидна. Он невыполним? Вероятно. Однако должно ли это остановить ученого?

По-видимому, такой замысел невозможно реализовать в традиционной академической манере. Слишком многое обречено пока (а может быть, и навсегда) оставаться недоказуемым. А книга, в которой под одной обложкой собраны многолетние старания реализовать такой замысел, не может не быть собранием отдельных этюдов.

Я вспоминаю слова моего отца, геотектоника, которого один из ведущих представителей академического мира назвал великим ученым и который взял на себя неподъемную задачу реконструировать древнейшую геологическую историю нашей планеты (Chudinov 1998 и др.). «Многие сугубо научные идеи, открытия, истины невозможно доказать!» Или же слова современного религиозного мыслителя: «Есть истины, которые недоказуемы, но лишь показуемы» (В. А. Леонов, личная коммуникация).

Работая с текстом предлагаемой книги и параллельно – в часы отдыха – читая (волею случая в первый раз) интереснейшую книгу Н. П. Бехтеревой «Магия мозга и лабиринты жизни», я поразилась унисонному моим размышлениям звучанию целого ряда высказываний этой выдающейся исследовательницы. Не могу удержаться, чтобы не привести некоторые из них. «Для того, чтобы мы, не боясь ярлыков, заглядывали в научные пропасти, а не только ходили по их краю, необходимо, чтобы общество было по-настоящему свободным, свободным от ненужных и неоправданных запретов». «Творчество является одним из высших, если не самым высшим, свойств мозга. Увидеть мысленно то, чего не было, услышать музыку, которой нет… Одним из высших – но и уязвимых». «Пусть что-то останется лишь условно известным». «Очень трудно

поддается формализации этот вид знания. Он ближе всего к интуиции, но ею не исчерпывается». «Далеко не все и не сразу принимают его всерьез» (Бехтерева 2007: 23, 24, 27, 55, 282, 284).

Все сказанное выше отнюдь не значит, что я полностью разделяю научные идеи автора предлагаемой книги или же полностью одобряю те приемы репрезентации материала и его осмысления, которыми автор пользуется.

Вот один из главных тому примеров. Находя убедительной идею о том, что первоначальное земледелие породило в Передней Азии матрилинейную социальную организацию, которая потом широко разошлась по миру в ходе колонизационных процессов, я никак не могу согласиться с тем, что это единственный сценарий распространения и единственный исторический случай происхождения матрилинейности. Тем более что здесь А. А. Казанков, как мне кажется, вступает в противоречие с самим собой. Он полагает, что при переходе к земледельческому образу жизни, когда женщины стали выполнять ведущую роль в материальном производстве, основным объектом которого являлась земля, было функционально целесообразно, чтобы семейная жизнь локализовалась там, где находились земельные угодья, на которых эти женщины трудились. Это вело к матрилокальности брачного поселения, а она, повторяясь из поколения в поколение, в свою очередь приводила к матрилинейному десценту как основе социального структурирования. Чисто функционалистское объяснение. Но, допустив именно функциональную последовательность в одном случае, в Передней Азии, вряд ли логично отрицать, что в других случаях мат рилинейность тоже могла возникнуть в ответ на вызовы жизненных потребностей, однако не обязательно тех же самых. Это могли быть какие-то иные обстоятельства, обусловившие аналогичные следствия. Ни в коей мере не подвергая сомнению роль культурной диффузии в истории человечества, я в то же время убеждена, что одни и те же явления могут порождаться разными факторами, а одни и те же факторы могут вести к разным последствиям. Это специфика человеческого взаимодействия. Исходя из сказанного, я бы не стала с ходу приписывать матрилинейность многих американских охотников влиянию матрилинейных переселенцев из Старого Света, а поискала бы – со всей возможной тщательностью – в культурах этих охотников такие элементы, которым может функционально соответствовать матрилинейная социальная организация. Это, конечно, очень трудоемкая задача, но она стоит того, чтобы приложить усилия.

Другой пример относится к стилю рассуждений. Воспитанная в академических научных традициях, я не могу, при всем моем преклонении перед оригинальностью мыслей, не почувствовать некоторого смущения, столкнувшись с таким пассажем автора: «Когда-то, когда я сравнивал слова, обозначающие паука в различных языках, в моем мозгу высветилось сходство малайского слова *laba-laba* «паук» и «русского» слова *лабух*. Я попытался осмыслить это сходство логически. Слово *лабух* обозначает бездарного музыканта, который вместо того, чтобы играть на инструменте, просто тупо на нем «работает». Таким образом, мой мозг вышел на слово *работа* (англ. *labour, labor*). Английское слово имеет, несомненно, латинское происхождение, и оно одновременно похоже на славянское слово с тем же значением и малайское обозначение паука. Паук – это существо, которое постоянно работает, ткет паутину! Точнее, не паук, а паучиха, т. е. – старуха! Движение мысли, ведущее к воссозданию первоначальной – исходной – основы множественных мифологем «круговой» работы «старухи», ассоциированной с концом света».

Однако я не ставлю перед собой задачу приводить дальнейшие возражения или сомнения по поводу содержащихся в книге А. А. Казанкова взглядов или приемов изложения. Предоставлю читателю самостоятельно делать это по ходу знакомства с текстами. Уверена притом, что чтение не будет скучным. Мне же осталось только поблагодарить автора за то, что он пригласил меня быть ответственным редактором, дав мне тем самым счастливую возможность

«уходить в работу от мелких сложностей жизни, садиться за письменный стол, чтобы отдохнуть, перейдя в другое измерение, недоступное житейскому» (Бехтерева 2007: 21).

Бехтерева Н. П. (2007). Магия мозга и лабиринты жизни. М.
Chudinov Y u. V. (1998). Global Education Tectonics of the Expanding Earth. Utrecht, Tokyo.

О. Ю. Артемова

Благодарности

Автор глубоко признателен О. Ю. Артемовой за тщательное, креативное, но вместе с тем и весьма бережное редактирование текстов, помещенных в предлагаемой книге; В. А. Попову – за ценные консультации, которые сослужили особенно важную службу при подготовке к печати тех разделов книги, которые связаны с этнологией народов Африки, а также всем сотрудникам и студентам Учебно-научного центра социальной антропологии за интересные дискуссии, многократно стимулировавшие авторскую мысль, за конструктивную критику и благожелательные советы.

Введение

Под матрилинейностью в социальной антропологии понимают такой тип организации отношений родства, при котором люди ведут свое происхождение от женщин-прародительниц (реальных или мифических) и прослеживают родственные связи по женским линиям. Это называется матрилинейным десцентом или матрилинейным счетом родства. Во многих обществах, главным образом бесписьменных или дописьменных, на основе матрилинейного десцента формировались такие группы, которые принято именовать кланами, линиджами или родами. Матрилинейный десцент в подобных обществах определял правила преемства прав или наследования социально и экономически значимого достояния.

Проблема социальных функций матрилинейности и ее происхождения – это, среди прочего, и гендерная проблема, и это фундаментальная проблема, иначе ею не занимались бы отцы-основатели социальной антропологии, а также Маркс с Энгельсом; иначе Моргана с Бахофеном не пытались бы опровергнуть с такой настойчивостью лучшие умы «буржуазной» социологии. Во времена противоборства двух социальных систем дискуссии о «матриархате» находились в центре битвы идеологий, составляли один из ее стержней. Это не могло быть случайностью.

Я мужчина и социальный антрополог. Почему мне интересны женщины – в научном, конечно, смысле? Их поведение отличается от мужского, это даже интуитивно ясно. Любые традиции поведения, отличающиеся от традиций собственной культурной группы, интересуют социального антрополога, это его хлеб, его профессия. Поведение женщин – «иное», чем поведение мужчин, и поэтому понимание поведения женщин фундаментально важно для мужчин. Кроме того, женщины сыграли видную роль в истории человечества, даже отвлекаясь от того факта, что они родили все это человечество. Именно они, как логично думать, изобрели когда-то земледелие, о чем мы поговорим ниже. В морфологическом же плане женщина, как я убежден, – вершина биологической эволюции, и все проблемы, связанные с ней (я имею в виду научные проблемы), занимают важное место в изучении антропо- и социогенеза.

Что я имею в виду, когда говорю, что морфологически женщина – вершина эволюции? Я имею в виду строение ее черепа, а ведь мозг, который под ним находится, – самая важная отличительная черта Homo sapiens. В ходе эволюции морфологии черепа у гоминид его свод становился все более высоким, рельеф сглаживался, кости утоньшались. Уменьшался скос лба, редуцировался подбородок. Все эти особенности в большей степени характерны для женщин, чем для мужчин вида Homo sapiens. Образно и, конечно же, метафорически можно сказать, что морфология черепа мужчины занимает промежуточное положение между морфологией черепа неандертальца и женщины Homo sapiens. Почти все эти различия в морфологии черепов мужчины и женщины формируются в ходе полового созревания, пубертата, за счет влияния одного только фактора – тестостерона. Но тестостерон влияет и на поведение. Он влияет на уровень агрессии, и не случайно, что для обществ, которые прослеживали родство по женской линии, была совершенно нехарактерна так называемая внутренняя война (internal warfare) (Keegan, Maclachlan 1989: 69).

Женское лицо красиво – с точки зрения мужчины, но не только. Ведь существует же поговорка «Красив как девушка», но нет поговорки «Красив как мужчина». Женское лицо педоморфно. Это значит, что его размеры изменяются в пубертате изоморфно, в то время как мужское лицо растет алломорфно: усиливается его рельеф и челюсть становится «лошадиной» (не у всех). Поэтому у женщин (и у детей) реже встречаются резкие нарушения пропорций лица, которые субъективно расцениваются как «некрасивость», и чаще встречаются у мужчин, чем у женщин. Красота – это в первую очередь пропорции, то есть в отношении лица – широко (но в норме) расставленные глаза, часто они при этом и большие на фоне общего треугольного

или подтреугольного (так выражаются археологи) контура лица, вызванного редукцией подбородка. Все остальное – волосы, ресницы, прямой или слегка горбатый нос, цвет и гладкость кожи – осознается и анализируется мозгом потом, после мгновенного, фотографического уяснения пропорций. При этом я не хочу сказать, что нет некрасивых и непропорциональных мужских лиц. Они есть, но встречаются реже. Лицо Дэвида Бэкхема, например, красиво – на мой взгляд. Я высказываюсь здесь как человек, который немного умеет рисовать, свои три первые книги я иллюстрировал сам.

Женщины дважды радикально меняли историю человечества – в лучшую сторону. Первый раз – когда они (я так думаю) изобрели язык, второй – когда они «изобрели» земледелие.

Социальные модели, основанные на прослеживании родства преимущественно по женской линии, представляют собой очевидный резерв для конструирования альтернативных форм социальной организации. Сейчас мы со скрипом добились некоторых успехов в борьбе за равенство полов. Но по-прежнему женщины – самый многочисленный из угнетаемых классов человечества. Не в Дании или Франции, но в Индии, Иране, во многих других мусульманских странах и, например, на Новой Гвинее. И в нашей стране мужчин – любителей домостроя, мужчин, отрицающих способность женщины сравниться с мужчинами в интеллектуальном отношении, к сожалению, слишком много. Матрилинейные общества дают пример таких социальных систем, в которых женщина за тысячелетия до современной эмансипации занимала достойное место, имела высокий статус; обществ, в которых взаимоотношения полов были разумно сбалансированы и в которых гендерного насилия было гораздо меньше, чем при доминации патриархальных идеологических установок (см., например, Stege et al. 2008: 15). Поэтому избранная мною тема важна в теоретическом, прикладном, просветительском и даже пропагандистском значениях.

Глава первая. Матрилинейность и матрицентричность

Немного историографии и полемики

Термины «матриархат» и «матриархальный» были, как известно, дискредитированы марксистами. Но и без учета этого досадного обстоятельства матриархат (в смысле доминации женщин в социальной жизни), как было выяснено совместными усилиями социальных антропологов и этнологов, – это то, чего в действительной истории никогда не было. С историографией вопроса о «матриархате» можно ознакомиться во многих работах (см., например: Schlegel 1972: 1–3; Murdock 1949: 184–187; Knight 1991, 2008).

Взамен представления о матриархате как одной из начальных стадий человеческой истории постепенно сформировалось представление о матрилинейности как об изначальной форме десцента, или счета родства. Но и это представление вскоре оказалось под ударами критики таких исследователей, как, например, Франц Боас и Альфред Рэдклифф-Браун. Так, Боас стремился доказать, что некоторые племена *квакиютлей* внутренних районов Британской Колумбии (Канада) первоначально не были матрилинейными, но впоследствии «восприняли от береговых племен матрилинейную клановую организацию» (Knight: 1991: 6; Boas 1940: 635; Lowie 1960: 420).

На поверку, однако, *нумаюм* (numayum) – кланы квакиютлей – оказались не матрилинейными, а смешанными (mixed), аффилиация детей – «неопределенной» (undetermined), десцентные группы – неэкзогамными, и в целом ход рассуждений Боаса в случае с квакиютлями Р. Лоуи охарактеризовал позже как «не удовлетворяющий условиям научного теста». Тем не менее энергичная пропаганда «случая с квакиютлями» способствовала утверждению в научной среде мнения, что Боасу удалось опровергнуть тезис об универсальной первичности матрилинейной организации по отношению к патрилинейной (Knight 2007: 6). Понятно при этом, что, даже если бы у квакиютлей переход к матрилинейной организации реально имел место, это никак не могло быть удовлетворительным доказательством ошибочности представления о первичности матрилинейности по отношению к патрилинейности. Но подчеркнем, что случаев перехода от патрилинейности к матрилинейности по-прежнему не зафиксировано ни одного! И это остается в числе главных аргументов сторонников тезиса о первичности матрилинейности.

Другой аргумент, тоже относящийся к числу ключевых, связан с явлением, получившим в науке название авункулата. Так называют зафиксированный у многих бесписьменных народов обычай, в соответствии с которым в жизни человека, особенно в жизни мужчины, очень большую роль играет брат его матери (лат. avunculus). Нередко он в таких обществах более важный и более близкий родственник, чем даже отец. Часто именно он выступает воспитателем и покровителем человека. Распространен также обычай, по которому, женившись, человек вместе со своей женой поселяется в доме или в деревне брата своей матери. Это называется авункулокальным поселением. Сторонники тезиса о первичности матрилинейности видят в авункулате пережиток этой формы родственной организации. Возражая им, Альфред Рэдклифф-Браун выводил авункулат из универсальных психологических и социологических принципов, не прибегая к «устарелым» эволюционным объяснениям. Но так ли уж они устарели?

Авункулат не универсально встречается среди племенных обществ с разнообразными системами родства, он встречается при наличии одних систем и отсутствует при наличии других из этих систем. Эта «асимметрия встречаемости» имеет неслучайный характер и нуж дается в объяснении.

В случае матрилинейности группа сиблингов рассматривается обществом как приоритетная социальная единица. Братья и сестры объединены, владеют общей собственностью, живут

и работают в одном домохозяйстве. Они не склонны уступать ни одну из своих социальных прерогатив, в том числе по воспитанию детей, чужаку – мужу одной из сестер-сиблингов.

В патрилинейном обществе все наоборот. Обладание женой и ее потомством как бы передается мужем его родне, акт брака разрывает связи между женщиной, выходящей замуж, и ее сиблингами. Таким образом, авункулат кажется естественным в матрилинейных обществах и «странным» в патрилинейных.

В своем знаменитом эссе «Брат матери в Южной Африке» (Radclife-Brown 1924, 1952) Рэдклифф-Браун полемизирует с известным африканистом Анри Жюно, исследовавшим авункулат среди патрилинейных *тонга* Южной Африки. Жюно пришел к выводу, что этнографические факты допускают лишь одно объяснение: в прошлом *тонга* были матрилинейны; авункулат у них – наследие этой былой матрилинейности (Junod 1912).

Как пишет Крис Найт, исследовавший эту полемику, «целью А. Рэдклиффа-Брауна является не улучшение интерпретации Жюно, а полная его дискредитация и замена совершенно другим объяснением» (Knight, Power 2005: 85). Сам Рэдклифф-Браун сформулировал эту цель так: «Можно сказать, что суть статьи о брате матери – послужить контрастом к псевдоисторическому объяснению этого института, который это объяснение считает функционально связанным с системой родства определенного типа» (Radclife-Brown 1952: 14). Дж. П. Мердок по этому поводу замечает: «Указанный контраст совершенно очевиден. Но, по нашему мнению, он принимает форму оппозиции здравого исторического исследования необоснованной социологической спекуляции (unrammeled sociological speculation – Murdock 1959: 378).

В другой своей работе Рэдклифф-Браун писал: «Базовой структурой везде, похоже, является группа полных сиблингов – братьев и сестер» (1950; quoted by Fortes, 1970, p. 76). Но суть дела заключается в том, что в одних обществах группа сиблингов является структурной единицей, а в других нет. Шнайдер пишет, что «взаимозависимость братьев и сестер характерна для матрилинейных, но не характерна для патрилинейных групп» (Schneider 1961: 11).

Изложим этнографические факты и аргументацию А. Жюно.

1. Авункулокальное поселение является правилом для детей и подростков. Мальчиков и девочек сразу после отлучения от груди (это происходит весьма поздно, в три-четыре года. – *А. К.*) отсылают в деревню брата их матери, где они проводят несколько лет, а в случае девочек – до полного полового созревания. (Такая форма воспитания является нормой в матрилинейных обществах с авункулокальным правилом брачного поселения, например у центральной и западной части племен *центральных банту*.)

2. Если у мужчины нет прямых наследников, он может попросить свою сестру остаться в его селении. Ее дети в дальнейшем поселяются в его доме, и мальчики становятся его наследниками, продолжая его линидж и клан.

3. Если у мужчины нет прямых патрилинейных наследников, сыновья его сестры имеют приоритет в наследовании его собственности перед отделенными патрилинейными родственниками. Даже если у него есть прямые патрилинейные наследники, сыновья его сестры, согласно традиции, могут потребовать некоторые предметы из его наследства (после смерти мужчины, разумеется), например его копья.

4. Дядя со стороны матери имеет право на получение некоторой доли брачного выкупа за дочь своей сестры (в матрилинейных обществах, практикующих такой обычай, он, как правило, забирает себе большую часть этого выкупа).

5. Брат матери выступает в качестве «спонсора» всех жертвоприношений в ключевых ритуалах жизненного цикла мужчины.

6. «Мальчик может вести себя совершенно свободно по отношению к брату своей матери: есть его еду, заигрывать с его женой или женами, заходить в его дом, не спрашивая разрешения, а с другой стороны – его дядя практически не имеет никаких прав по принуждению своего племянника к дисциплинированному поведению» (Junod 1912: 50).

Такая «разрешительность» обычно отсутствует в матрилинейных обществах, где брат матери выступает в роли реального воспитателя сына своей сестры, обладающего всеми для этого необходимыми прерогативами.

Для Жюно совершенно очевидно, что прочная социальная связь между мужем и женой в обществе современных ему тонга (статья была опубликована в 1912 г.) есть результат действия системы брачной выплаты (калыма) – лобола, которая утвердилась в обществе тонга сравнительно недавно. Вместо того чтобы отправляться в деревню будущей жены и отрабатывать за нее, потенциальный муж с достаточным количеством скота теперь мог забрать невесту из ее родного селения, обменяв ее и ее будущее потомство на некоторое количество коров (волов). Но, по мнению самих тонга, женщина оставалась связанной настоящими («true») социальными связями со своей родной деревней, и то же самое было справедливо и для ее детей. Тонга сами утверждали, что «только скот» (it was «only the cattle») отрывал женщину и ее детей от ее братьев и родной деревни.

Сходным образом представители народа *мурси* в Эфиопии обеспечивали своих сервильных клиентов из числа *квегу*, бывших охотников-собирателей, некоторым количеством скота, чтобы те могли правильно жениться, причем таким образом эту ситуацию толковали сами квегу. Мурси удалось привить квегу «правильные» представления о женитьбе, причем без исторического насилия здесь явно не обошлось. Один из квегу, объясняя, почему он должен иметь патрона из числа мурси, говорит, что в противном случае в то время, когда он будет обрабатывать свой участок земли на берегу реки, могут прийти «чужие» мурси и повесить его на дереве. Иными словами – без защиты патрона из числа мурси любой квегу беззащитен перед теми же мурси. В ситуации независимого существования у восточноафриканских охотников-собирателей (хадза, например), так же как у матрилинейных африканских земледельцев, условием получения жены является не выкуп скотом, а отработка за нее (охотой или земледельческим трудом соответственно). У матрилинейных *нубийцев* и *кордофанцев*, как мы увидим ниже, сама свадьба не представляла собой (до начала исламизации) значительного общественного события, связанного с какими-либо особыми ритуалами. Так же обстояли дела со свадебной обрядностью у андаманских аборигенов, например. Только у патрилинейных скотоводов это событие стало неразрывно связано с «покупкой» жены с помощью калыма и заняло одно из центральных мест в социально-обрядной жизни. Но вернемся к южноафриканским тонга.

Тонга считают связи ребенка с матерью и ее родственниками фундаментальными, а связи с отцом и его родственниками – формирующимися «только из-за скота» («only on account of the oxen»). «Собственно говоря, как выразился в характерной образной манере один из тонга по имени Манкехулу: «Что касается жертвоприношений (тимхамба), то их по большей части проводят родственники матери. Они настоящий ствол. Мой отец – ствол благодаря скоту, а моя мать – настоящий ствол; она – бог, она растит меня. Если она умрет, когда я еще младенец, я тоже не выживу» (Junod 1912: 294).

У тонга отцы не получали автоматически прав на собственное потомство. Напротив, мужчины тонга полагали, что они получают соответствующие права в результате значительных плат скотом родственникам своих жен. В любом случае, когда выкуп «лобола» был не заплачен, ребенок носил имя линиджа своей матери и продолжал жить в деревне ее брата. Я считаю это определенно признаком былой матрилинейности.

Матрилинейные принципы явственно проступали у тонга и в связи с наследованием имущества умершего мужчины. Сыновья его сестры имели приоритетное право взять себе те предметы, которые они хотели: копья, рабочие орудия и т. д. Но если за женщину был выплачен лобола – такое приоритетное право имели уже сыновья усопшего. Согласно формулировке самих тонга, первоначальными наследниками были именно сыновья сестры.

Дж. П. Мердок заключает, что все племена центральных банту были когда-то матрилинейными. Некоторые из них до сих пор являются таковыми; это именно те племена, у которых мало скота (из-за мухи цеце. – *А. К.*). По его мнению, переход к патрилинейности у части племен центральных банту осуществился сравнительно недавно и является прямым результатом интродукции скота. Ему вторит Харольд Шнайдер:

«В Африке наиболее последовательно патрилинейными являются те общества, у которых скот, особенно крупный рогатый скот, является важным видом собственности, – там, где его количество равняется одной корове на человека или превышает эту цифру. Там, где нет этого вида собственности, использующегося в качестве компенсации, мы находим матрилинейно-матрилокальные системы» (Scneider 1979:16).

Здесь необходимо уточнение. Данное утверждение, безусловно, справедливо для народов банту и некоторых других групп скотоводов Африки, но не для всех. Южные туареги, *удалан* в Буркина-Фасо например, имеют скот, но их социальные системы не патрилинейны, а билатеральны, а брачное поселение у них – матрилокально.

Дэвид Аберле образно выразил корреляцию, отмеченную Мердоком и Шнайдером для ряда африканских обществ, так: «корова – главный враг матрилинейности в Африке» (Aberle 1961: 680). В тех африканских обществах, где патриархальные социальные институты уже исказили первоначальную матрилинейную матрицу, даже наличие матрилинейности не обеспечивает сравнительно равноправные статусы мужчин и женщин (Lindström 2014). Совсем подругому обстоит дело, например, у матрилинейных *мосуо*, которые живут в Китае (Jia-Jia Wu, Qiao-Qiao He, Ling-Ling Deng 2013).

Что смог противопоставить «фактору коровы» в своем «контрастирующем» объяснении А. Рэдклифф-Браун? Универсальный социологический принцип эквивалентности и единства сиблингов. В своем эссе о брате матери он ни разу не употребил слова «матрилинейность» – очевидно намеренно, игнорируя свои собственные рассуждения на данную тему в предыдущих публикациях. Что же касается упомянутого универсального социологического принципа, то все тот же Мердок выразил свое мнение о нем так: «Во-первых, данные постулируемые принципы – не более чем вербализации, претендующие на роль причинных связей. Во-вторых, такие концепции, как «эквивалентность братьев» и «необходимость социальной интеграции», не содержат никаких утверждений о связях между феноменами в меняющихся условиях и, таким образом, лежат в области, диаметрально противоположной научному объяснению. В третьих, будучи унитарными по своей природе, они не предлагают никакой основы для интерпретации культурных различий – они должны действовать всегда и везде одинаково» (Murdock 1959: 378).

Суть объяснения авункулата А. Рэдклиффом-Брауном сводится к тому, что он (авункулат) отражает принцип солидарности сиблингов и не имеет отношения к матрилинейному счету родства. Почему же тогда этот принцип действует в матрилинейных обществах и очевидно нарушается в патрилинейных обществах? Можно ли объяснить этот факт, намеренно не используя в полемических статьях терминов «матрилинейность», «патрилинейность», «матрилокальность» и т. п.? Конечно же, нет.

2. От этнографии к археологии, от археологии к этнографии

Насколько широко распространены были в прошлом (скажем, две-три тысячи лет назад) матрилинейные социальные модели? Существовала ли матрилинейность еще в палеолите?

Из этнографии мы знаем, что для охотников-собирателей гораздо более характерен, логичен и функционален билатеральный тип организации родственных отношений, нежели структурирование социальных групп на основе унилинейного десцента. Но и второй вариант зафиксирован в этнографии в изрядном количестве у охотников-собирателей. В своих прежних работах мне уже приходилось приводить материалы, показывающие, что, по крайней мере, те общества охотников-собирателей, которые являются матрилинейными, развили матрилинейность под прямым или косвенным воздействием земледельцев (см., например, Казанков 2007).

Билатеральный (как у бушменов или, например, шошонов тосави) тип социальной организации был, по-видимому, широчайшим образом распространен в лесостепных зонах Евразии начиная, по крайней мере, с конца верхнего палеолита. Рассмотрим данные по археологии Сиро-Палестинского региона указанного временного периода, поскольку именно в этом районе впоследствии возникло, впервые на планете Земля, земледелие фермерского типа.

Часть Сиро-Палестинского региона сейчас представляет собой полуаридную зону. Это пустыни Негев, Синай и Сирийская степь. В конце верхнего палеолита (по крайней мере начиная с периода климатической амелиорации (с 15-го тыс. до наст. вр.) эти полуаридные районы были населены бродячими охотниками-собирателями, аналогичными по хозяйственно-культурному типу бушменам. Так же как и у бушменов, у них были лук и стрелы (но стрелы не отравленные), и они передвигались по довольно обширным кормовым территориям группами (предположительно билатеральными) по 25–50 человек на территориях в 500–2000 кв. км. Уровень осадков в указанных регионах был ниже, чем в северо-западной Калахари (250 мм в год против 400 мм в среднем у бушменов). Величины испарения были примерно те же, а поверхностный слой – более каменистый по сравнению с Калахари. Фауна в видовом отношении была в рассматриваемых районах Сиро-Палестины беднее, чем в северо-западной Калахари (Каукаувельде), значительные транзитные конгрегации крупных копытных (таких, например, как гну или куду) отсутствовали, стадам газелей Гранта и Томсона соответствовали стада сирийских газелей (*Gazella subgutturosa*). Аридные районы Сиро-Палестинского региона характеризовались значительными годовыми и декадными флуктуациями осадков (Bar-Yosef, 1998: 159-161; Bar-Yosef 2011).

Ирано-туранские кустарниковые и степные флористические ассоциации и Сахаро-Аравийские пустынные ассоциации занимали площади с годовыми осадками менее 400 мм (цифры около 400 мм характеризовали Сирийскую степь, но не пустыни Синай и Негев). Подземные клубне- и корнеплоды были менее обильны, чем, скажем, в северо-западной Калахари. Мозаичные ассоциации с вкраплениями дубово-фисташковой саванны заканчивались на границе Сирийской степи (Zohary, 1973).

В настоящее время влага приносится в Сиро-Палестинский район двумя воздушными системами: первая формируется над водной поверхностью северного Средиземноморья и достигает северного Леванта, вторая формируется в Европе и достигает Леванта, пустынь Негев и Синай. Химические исследования донных отложений палеоозер в долине реки Иордан показывают, что в конце плейстоцена/начале голоцена схема увлажнения была та же, что и в настоящее время (Goodfriend, 1990).

В период гляциального максимума (20–14,5 ка) климат всего региона, включая Левант, был более холодным и засушливым (Bar-Yosef, Belfer-Cohen 1992; Smith 1994; Bar-Yosef,

Meadow R. H. 1995; Baruch 1994; Goldberg 1994; Moore, Hillman 1992; Bar-Yosef 1996). В период амелиорации климата количество осадков слабо нарастало в период 14,5–13,5 ка, более быстро – в период 13,5–13 ка и резко – начиная с 10,3 ка. Период 12,5–10,5 кн. (так называемый «Младший Дриас») характеризовался возвращением холодных и засушливых условий. Пик уровня осадков раннего голоцена, впрочем, так и не достиг позднеплейстоценового пика (около 11,5 ка). Наступление Дриаса было почти внезапным (по некоторым данным, оно заняло всего около 70 лет) (Stenny et al. 2001; Alley 2000).

Археология охотников-собирателей рассматриваемого региона в конце верхнего палеолита изучена достаточно полно (Henry 1989; Goring-Morris 1987; Garrard, Baird, Byrd 1994). Стоянки Кебаранской культуры (18–14,5 ка) зафиксированы в прибрежных районах Леванта и его внутренних оазисах, что отражает влияние холодных и засушливых условий гляциальной эпохи северного полушария. В этот период в указанных областях в каменных индустриях формируется тип микролитической адаптации и вкладышевых орудий. Это позволяло охотничье-собирательскому населению экономить время на деятельность, направленную на добычу пищи, за счет сокращения времени, затрачиваемого на производство каменных и костяных орудий. То же самое происходило, но значительно позже, в Северной Азии (Elston 2002).

Использование микролитической техники давало и ряд других преимуществ, характер которых был проанализирован Д. Ю. Нужным на основе сопоставительного материала из широкого круга культур (Нужный 1984). Его работа, изданная в 1984 г., имеет непреходящий характер. Кроме результатов собственного анализа, он привел историографический обзор свидетельств того, что микролиты в мезолите и раннем неолите использовались как части составных орудий (острия стрел, дротиков и копий, вкладыши ножей, гарпунов, серпов и т. д.). В частности, Д. Ю. Нужный пишет: «Одной из первых находок, свидетельствующих об использовании геометрических микролитов, была обнаруженная в торфянике на о. Фиони (Дания) высокая трапеция, закрепленная посредством веревки из коры липы в расщепе деревянного древка длиной 38 мм… Джон Эванс (Evans 1878, f. 272, 344. – *А. К.*), публикуя эту находку, справедливо сравнивает ее с аналогичными образцами в Древнем Египте и приходит к выводу, что она использовалась в качестве стрелы» (Нужный 1984: 25). Долотовидные (поперечно-лезвийные) наконечники стрел были найдены в ряде мезолитических захоронений Украины, в частности в Волошевском некрополе, древнейшем из надпорожских некрополей (Нужный 1984: 26; Даниленко 1955: 56–61). Собственно говоря, В. Н. Даниленко квалифицировал этот могильник как эпипалеолитический.

Геометрические микролиты – наконечники стрел мезолитического и ранненеолитического времени были найдены застрявшими в кос тях животных (лошадей, зубров, туров), а также в человеческих кос тях во Франции (Бретань), Дании, Швеции, Швейцарии, на Украине (Нужный 1984: 26). В материалах Васильевского могильника: «Одно острие… воткнувшись в ребро скелета № 12 и расщепив его… разломалось на несколько частей; второе, найденное в поясничном позвонке погребения № 37, от удара растрескалось на мельчайшие фрагменты, подобно обломку наконечника из Волошского могильника» (там же). Микролитические наконечники в человеческих костях, причем даже домезолитические, найдены и в Африке (Джебель-Сахаба в Суданской Нубии на Верхнем Ниле, датировка по С. 14 – X–XII тыс. до н. э.) (Wendorf 1968: 954–955). Их ранняя датировка, как это ясно из вышеизложенного материала, очевидно связана с продвижением населения из первичного центра развития микролитической техники, располагавшегося начиная по крайней мере с 18-го тыс. до наст. вр. в Леванте, т. е. довольно близко от Нубии.

Поперечно-лезвийные наконечники при их использовании в качестве охотничьего и военного оружия оставляли «не только широкую рану, но и перерубывали (лучше «перерубали». – *А. К.*) встречающиеся на пути мышцы, сухожилия и мелкие кости животного. Несомненна также большая прочность этих наконечников по сравнению с классическими колю-

щими типами, допускающая многократное их использование во время охоты (в т. ч. на людей. – *А. К.*). Такие же наконечники, равно как и составные, имеются на сценах койсанской наскальной живописи в Южной Африке (Нужный 1984: 27–29). Составные микролиты, согласно экспериментам, разъезжались в ране, нанося широкое ранение. «Возможно и то, что, оставаясь в ране, микролиты препятствовали ее заживлению» (там же: 33).

«Непосредственной подосновой для развития геометрических микролитов могли послужить разнообразные орудия с затупленной спинкой, широко распространенные в финальнопалеолитических культурах Средиземноморья… Весь процесс развития форм геометрических микролитов шел по пути все уменьшающейся роли вторичной обработки при их изготовлении за счет более качественной пластинчатой заготовки. От ранних сегментовидных и подтреугольных микролитов с их почти полностью видоизмененной первоначальной формой заготовки происходил переход к трапециевидным изделиям с минимальной долей вторичной обработки. В наиболее распространенном типе геометрического микролита – трапеции в максимальной степени проявилась основная идея производства геометрических микролитов – получение наконечников стрелы с минимальными затратами труда на базе пластинчатой заготовки» (там же: 34–35).

Из всего изложенного следует, что сообщества охотников-собирателей, использовавшие микролитическую технику, имели, по-видимому, серьезные военные преимущества при столкновении с культурами домикролитических индустрий и, следовательно, могли осуществлять территориальную экспансию. Геометрические микролиты последовательно расширяли области своего распространения: на запад – в прибрежные районы Средиземноморья; на восток – в Среднюю Азию и далее – в Китай и Монголию (Elston et al 2011); на север – через Кавказ к нижнему Поволжью и далее – к Южному Уралу.

Охотники-собиратели геометрического кебарана (то есть культуры *кебаран* периода изготовления геометрических микролитов) использовали наработанные в засушливый период технологические навыки при своем распространении в степные (ранее – пустынные) районы в период климатической амелиорации (14,5–10,8 ка). В этот период интенсивно использовались зернотерки, пестики и кубки, указывающие на переработку растительных источников питания (в т. ч. зерновых). Впервые свидетельства пищевой переработки последних в данном регионе имеются для 19-го тысячелетия до наст. времени. Таким образом, охотники-собиратели Сиро-Палестинского региона довольно рано перешли к типу деспециализированного собирательства, основанного на использовании широкого набора растительных ресурсов: семян, ягод, корне- и клубнеплодов, фруктов (Goring-Morris, 1987; Maher, Richter, Stock 2012). Интересно, что то же самое было характерно и для охотников-собирателей района среднего течения реки Хуанхэ (Liu Li et al 2013; Liu Li et al. 2010).

По аналогии с бушменами Калахари и учитывая предполагаемую, на основании археологических данных, плотность населения в аридной Сиро-Палестине, можно предположить, что в данный период доля растительной пищи у охотничье-собирательского населения колебалась в пределах 60–80 процентов. Основную животную пищу в степных районах доставляла охота на газелей, ибексов (горных баранов) и зайцев, птиц (Hillman *et al.,* 1989).

В период климатической амелиорации траектории развития культур охотников-собирателей лесостепной зоны Сиро-Палестины (собственно Палестины) и степных и полупустынных областей региона разошлись. В первом в период 12,8–11 ка сформировалась вначале полуоседлая, а к 11-му тыс. до наст. времени и полностью оседлая натуфийская культура, на базе которой позднее совершилась неолитическая революция. Охотники-собиратели же более засушливых частей ареала продолжали вести подвижный образ жизни, а в период усиления засушливости «Младшего Дриаса» некоторые популяции данной зоны оставили ее полностью.

Натуфийская культура датируется так: 12,8–10,3 кн. (Byrd 1994; Garrard, Byrd, Garrard 2013, Byrd et al. 2015). Эта культура была уникальна в ряду охотничье-собирательских куль-

тур еще до появления в ее рамках производящего хозяйства. Натуфийская культура в некоторых отношениях разительно отличается от предшествовавших ей эпипалеолитических культур Леванта. Ее характеризуют: широкое использование зернотерок, орудий из кости; наличие объектов искусства и украшений, наличие обширных участков погребений, исследование которых к настоящему времени выявило останки более чем 400 индивидов. Микролиты натуфийцев (до 40 % от числа всех орудий), впрочем, продолжают традиции местных эпипалеолитических культур (Belfer-Cohen, Bar-Yosef 2000: 25).

А. Ю. Милитарев и В. А. Шнирельман считают, что натуфийская культура соответствует протоафразийской (семито-хамитской) общности, и я с ними согласен, хотя по этому вопросу существуют и другие точки зрения.

Как (если излагать вопрос коротко) осуществлялась неолитическая революция в Леванте?

1) Натуфийские культуры перешли к оседлости и специализированному собирательству (дикорастущей пшеницы в первую очередь) в ходе амелиорации климата (Земли в целом и Леванта в частности) 14–10,8 кн.

2) В результате климатического «обращения» периода Младшего Дриаса (Younger Dryas) 12,9–11,5 (Alley 2000) кн. часть натуфийского населения перешла к оседлости, а часть – вновь стала подвижными охотниками-собирателями. В Америке, кстати, в связи с этим геологическим событием сформировалась культура фолсом и произошло «вымирание мегафауны» (Surovell, Boyd, Haynes 2016).

Каким образом осуществлялось климатическое обращение Младшего Дриаса (возврат ледникового периода на 500 лет)?

В настоящее время холодные арктические воды в районе Исландии «ныряют» под толщу теплой воды, образуя мощнейшее течение холодной воды, которое является кольцевым (conveyer belt) и опоясывает весь земной шар. Этот «ремень конвейера» откачивает холодную воду из Северной Атлантики, устанавливая температурный баланс между северным и южным полушариями Земли. Двенадцать тысяч лет назад в результате интенсивного таяния Лаврентийского ледникового щита, покрывавшего большую часть Северной Америки, в период с 14-го по 12-е кн. в поверхностных слоях Северной Атлантики скопились огромные массы холодной талой пресной воды. Они прервали уже установившийся к тому времени отток холодной воды из Северного полушария. «Ремень конвейера» был порван, и Северная Атлантика превратилась в гигантский холодильник, вернувший ледниковые условия примерно на одну тысячу лет. Поскольку, однако, локальные гидрологические эффекты не могли противостоять нарастающей общей тенденции потепления (климатической амелиорации), вызванной планетарными эффектами Миланковича, на определенном этапе (10,5–10,3 кн.) глобальное холодное течение («ремень конвейера») восстановилось и наступило резкое мировое потепление. Наступила современная эпоха голоцена. Это произошло за весьма краткое время. О. Бар-Йосеф считает, что это потепление, возможно, наступило всего за 80 лет, то есть за время жизни двух-трех поколений людей (Bar-Yosef 2011). Уровень Мирового океана за этот период поднялся не менее чем на 100 метров (скорее всего – на 120 метров). Последствия этого реверса были существенными даже для древней Японии (Kudo, Fujio 2012; Nakazawa, Iwase, Akai 2011) или Мали (Huysecom, Rasse, Lespez 2009).

Но что означали эти изменения для популяций Леванта? Ко времени наступления Младшего Дриаса уровень осадков в Леванте установился на отметке примерно 600 мм в год, что было достаточно для оседлого существования натуфийцев. Катастрофа Дриаса, снизившая эту цифру до около 300 мм, заставила значительную часть популяций вернуться к охотничье-собирательскому образу жизни, но другая (меньшая) их часть, а именно те, кто жил в долине реки Иордан, в ответ на ухудшение режима увлажнения перешли к земледелию.

Султанийская культура, для которой имеются первые бесспорные свидетельства земледелия, была этнически неоднородной, т. е. к натуфийскому по культуре населению, скапливавшемуся в период 10,8-10,3 ка, примешивались бродячие охотники-собиратели харифской культуры, сформировавшейся в пустыне Негев. Долина р. Иордан при этом являлась, в условиях «Младшего Дриаса», местным рефугиумом. Нам сейчас трудно предположить, каков был механизм, позволявший инкорпорировать в натуфийские общины представителей культур пустыни. Предположительно это могло бы быть образование военных альянсов на границах общин, представлявших натуфийскую и харифскую культуры, и использование последних во «внутринатуфийской» конкуренции за истощающиеся пищевые ресурсы. Следует также заметить, что этнография других полуаридных областей земного шара дает нам примеры, показывающие, что пустынные охотники-собиратели, обладающие повышенной хозяйственной адаптивностью, с легкостью осваивают навыки, необходимые в более благоприятных экологических условиях, вытесняя из них автохтонное население.

У всех обществ, имевших присваивающее хозяйство, собирательством растительной пищи, как известно, занимались женщины, и они, несомненно, издавна хорошо изучили весь цикл природного воспроизводства растений. Этнография знает немало примеров, когда классические собиратели-охотники экспериментировали с высаживанием растений, уходом за ними и сбором урожая, абсолютно – по своим приемам – равнозначными тому, что делали ранние земледельцы (см. например, Максимов 1929, Кабо 1986, гл. 7, Gammage 2011). Это делали, конечно же, в первую очередь женщины. Именно они обладали всеми знаниями и навыками, необходимыми для перехода к земледельческому образу жизни. Надо полагать, что в критический период, когда внешние вызовы потребовали кардинальных перемен в системе жизнеобеспечения и часть левантийских охотников-собирателей оказалась готовой перейти к производящему хозяйству, именно женщины сыграли ключевую роль в этом эпохальном хозяйственно-культурном переломе. И именно они стали ведущей интеллектуально-инновационной и материально-производительной силой при новом экономическом укладе. Возможно, их навыки, знания и внедряемое ими множество конкретных повседневных технологических решений, что было связано с особой интеллектуальной и психологической гибкостью, осмыслялись современниками как результат таинственной и могущественной магии. Несомненно, среди них были особо одаренные, яркие, харизматичные личности. Память о них могла породить легендарные героические образы в устной традиции – образы, которые постепенно трансформировались в народном сознании, наделялись свойствами прародительниц-демиургов, а затем и возводились в ипостаси богинь. И уж, во всяком случае, роль женщин в становлении земледельческих культур не могла не способствовать существенному повышению их статуса в целом, а новая земледельческая деятельность и новые черты быта, сформированные в соответствии с нуждами оседлого производящего хозяйства, неизбежно должны были обрасти целым сонмом новых обрядов и верований, культовых инноваций, которые тоже, по-видимому, внедрялись преимущественно женщинами. Логично попытаться связать с этими событиями и возникновение особого института жриц, призванных магически обеспечивать успех земледельческой деятельности.

Можно полагать также, что роль женщин в переходе к земледелию и в раннем становлении земледельческой культуры потребовала новых форм структурирования родственных отношений и устойчивой локализации брачных поселений. Регулярное земледельческое хозяйство связано с более или менее продолжительными периодами оседлой жизни, которая влечет за собой более или менее стабильную организацию домашнего быта. Элементарная логика подсказывает, что на ранних этапах становления нового производственного и бытового уклада потребовалось матрилокальное брачное поселение. А повторяемая из поколения в поколение матрилокальность, как известно, дает матрилинейность родственных структур (Murdock 1949: 218). Разумеется, сказанное выше – это лишь цепь логических рассуждений и умозрительных

допущений, ведь мы не в силах реконструировать реальные процессы, происходившие в столь глубокой древности, но предлагаемые рассуждения и допущения основаны на немалом опыте профессиональной этнографической работы и на сопоставительных данных археологии[1].

Итак, к середине 10-го тыс. до наст. времени традиция земледелия в Леванте установилась и стала археологически видимой. Вереница событий, которые этому предшествовали, должна была иметь место как минимум за несколько поколений до середины этого тысячелетия, то есть где-то в конце первой трети этого тысячелетия. Для того чтобы узнать, что же было в Леванте дальше, нам не надо машины времени. Археология этого периода (начала неолита) достаточно хорошо изучена, и мы обратимся к ней.

Поздняя и финальная фазы натуфийской культуры характеризуются уменьшением использования зернотерок, уменьшением числа орнаментированных предметов, объектов искусства и увеличением числа групповых и повторных захоронений (Belfer-Cohen, Bar-Yosef 2000: 25). Иными словами, возникает повод думать, что именно в этот период в истории человечества впервые возникает развитый культ предков как одна из основ религии. Большая часть захоронений ранненатуфийского периода были неповторными (ibidem). В поздненатуфийском поселении Эйнан (Маллаха) на кладбище перезахоронены останки людей, принесенных сюда, возможно, в мешках и первоначально захороненных в других (многих) местах (ibid.: 27).

Первая фаза (А) докерамического неолита Леванта датируется временем 10,3–9,3 кн. Она включает две археологические фазы – хиамийскую (Khiamian) и султанийскую (Sultanian). Хиамийская фаза – это переходный период между натуфийскими поселениями и султанийской культурой с прочно утвердившейся традицией земледелия. Конечно же, не всем общинам натуфийской культуры удалось перейти к земледелию. Большинство поселений докерамического неолита фазы А (PPNA, Pre-Pottery Neolithic A) – эпохи экологического кризиса – расположены в долине реки Иордан, то есть только на части прежней натуфийской территории. Наибольшие по размерам натуфийские поселения располагались в западной части левантийской экозоны, в то время как наибольшие поселения PPNA располагаются в долине реки Иордан, а более мелкие – к западу от нее. Основой хозяйственной деятельности у них уже является земледелие – культивирование пшеницы и нескольких видов овощей, хотя собирательство и охота на газелей сохраняют некоторое значение. Изменяется характер поселений, они укрупняются (средний размер неолитических поселений больше, чем натуфийских), здания в плане становятся круглыми или овальными, с фундаментом из камней и стенами из кирпича-сырца. Устанавливается дистанционная обменная торговля с анатолийскими районами, откуда поступает обсидиан. И главное (с позиций тематики данной книги) – в искусстве начинают доминировать женские статуэтки (Kuit 2000a: 100). Эти статуэтки сохраняют стилистическое сходство со знаменитыми палеолитическими Венерами Западной и Центральной Европы (Conard N. J. 2009).

Размеры поселений периода PPNA сильно различались. В долине реки Иордан и в западной Трансиордании известны (по данным раскопок) постоянные поселения, неолитические деревни (villages) с населением в несколько сот, а может быть, до тысячи и даже более человек, это, например, Айн Газал, Харайсин, Вади Шуэйб, Бейсамун, Иерихон, Баста. В Цисиордании известны более мелкие поселения, а на восточной периферии левантийского района, в более засушливых районах, продолжали существовать группы охотников-собирателей, возможно, с уже несколько усложненной и видоизмененной культурой (Goring-Morris 2000: 105). Во второй фазе докерамического неолита (PPNB) весь Левант, а также юго-западную и центральную Анатолию связывала сеть дистанционной торговли обсидианом (обмена анатолийского обсиди-

[1] Содержание этого и предшествующего абзацев сформулировано в ходе неоднократных обсуждений релевантной проблематики, происходивших меж ду О. Ю. Артемовой и мною, а также в ходе ее и моих лекций, читавшихся студентам УНЦСА РГГУ.

ана на какие-то левантийские эквиваленты). Ко времени, по крайней мере, начала этого периода (PPNB) технологические инновации в обработке камня (chipped stone lithic technologies) распространились из южно-центрального в северо-центральный Левант. Вместе с тем и региональные вариации культуры были отчетливо выражены. Так, например, зона крупных поселений южно-центрального Леванта по-прежнему выделялась типом своих жилищ – больших, четырехугольного плана, с полами, покрытыми известняковой штукатуркой. На аридной периферии этого района люди жили в ульеобразных хижинах более легких конструкций (Banning and Byrd 1987).

Раскопки в бывших неолитических поселениях Айн-Газал, Йифтахел (Yiftahel) и Кфар ХаХореш показали, что одомашнивание козы стало здесь прочно установившейся традицией лишь в средней части фазы PPNB (второй фазы докерамического неолита, которая длилась примерно с 9500–9200 по 8000 гг. до наст. вр.). Иными словами, доместикация животных (кроме собаки) сильно отставала от доместикации растений, которая к началу этого периода уже распространилась на большей части Восточного Средиземноморья (включая юго-восточную и южно-центральную Анатолию), а в южно-центральном Леванте утвердилась как прочная традиция еще на поздних стадиях фазы А докерамического неолита (PPNA). (Köhler-Rollefson, Gillespie, and Metzger 1988; Horwitz 1987, 1993; Köhler-Rollefson 1989). Фаза PPNA длилась примерно с 10 500–10 300 по 9500–9300 гг. до наст. вр.

Процесс начальной доместикации растений и животных сопровождался стрессами, дислокациями и прочими последствиями резкой смены образа жизни и увеличения плотности населения и размеров поселений. Такие перемены обычно сопровождаются усложнением социальных структур, связанным с необходимостью распределения ресурсов, организации общественных работ, урегулирования родственных отношений и отношений собственности и т. п. (Flannery 1995; Hayden, Villeneuve 2011; Lazaridis et al 2016). И, несмотря на это, общества раннего неолита Леванта, по данным археологии, оставались эгалитарными, а в некоторых отношениях (например, судя по инвентарю и погребениям) стали даже более эгалитарными, чем крупные общины оседлых охотников-собирателей предшествовавшего натуфийского периода (Kuit 2000b; Yeshurun, Bar-Oz, Nadel 2013). Каким образом нарождавшимся неолитическим сообществам удалось «избежать», казалось бы, неминуемой стратификации?

Археологические свидетельства показывают, что в этих обществах произошла интенсификация церемониальной жизни и усложнение погребальных практик. Практика повторных захоронений и отчленения черепов существовала в южном и центральном Леванте и в доземледельческий натуфийский период, но она была спорадической. С началом неолита в Леванте появились захоронения, где лицевые час ти черепов были покрыты известняковыми масками, появились каменные маски, скульптуры почти в человеческий рост (Goring-Morris 2000: 106; Bar-Yosef and Alon 1988; Cauvin 1972; de Contenson 1992; Kenyon and Holland 1983; Rollefson 1983, 1986, 1990; Rollefson et al. 1992; Simmons et al 1988; 1990). В южно-центральном Леванте систематическая практика отчленения черепов (после первичного захоронения) и их повторного захоронения осуществлялась в период между (примерно) 9300–9200 и 8500 гг. до наст. вр. и продолжалась спорадически до 8000 гг. до наст. вр. (Kuit 2000b: 149).

Параллельно этим инновациям развивались новые черты и в поселениях северного Леванта, а также южно-центральной Анатолии, таких как Чатал-Хююк, Чаёню, Халлан Чеми, Невали Чори, Гёбекли Тепе. В Анатолии новые черты включали культовые помещения, склепы, домашние храмы, ритуальные и погребальные местонахождения с богатой символической иконографией и скульптурой (Balter 2004; Goring-Morris 2000: 106–107; Hauptmann 1993, 1997; Mellaart 1967; Özdögan and Özdögan 1990; Rosenberg and Davis 1992; Schmidt 1995).

Среди специалистов по археологии неолита Леванта преобладает мнение, что практика посмертного (postmortem) отчленения черепов и их отдельного захоронения была связана с некими формами культа предков, возможно с поклонением героическим полумифическим

фигурам (Kuit 2000b; Arensburg and Hershkovitz 1989; Bar Yosef and Alon 1988; Cauvin 1972, 1978; Hershkovitz and Gopher 1990; Kenyon 1979; de Vaux 1966).

В качестве примера захоронения отчлененных черепов с гипсовыми масками можно рассмотреть памятник Кфар ХаХореш (Kfar HaHoresh) в Назаретской возвышенности Южной Галилеи. Это не поселение, а место захоронения (местное кладбище), функционировавшее в период PPNB, в котором были найдены, в числе прочего, два таких черепа. Один из черепов был извлечен из (неолитической) ямы со стенами, покрытыми известняковой штукатуркой. В полу, также покрытом штукатуркой, под которым находилась яма, были обнаружены остатки отверстия, в которое был врыт столб, находившийся над черепом (предположительно тотемический) (Goring-Morris 2000: 107–109). У читателей, до сих пор сомневающихся в том, что в ранненеолитическом Леванте был культ предков, прорицательница вельвы могла бы спросить: «Довольно ль вам этого?»

Череп был ассоциирован с интактным (кроме отчлененной головы) скелетом газели. Другой череп, частично покрытый маской (полностью она не сохранилась), был захоронен на инсталляции овальной формы, также, возможно, ассоциированной с полом, покрытым штукатуркой (lime plaster). Разведочный шурф обнаружил под этой поверхностью еще две также покрытые штукатуркой поверхности, содержащие части артикулированного скелета с отчлененной головой. Скелет лежал над ямой с размерами метр в поперечнике и 50 см глубины, содержавшей 200 частично артикулированных остатков костей зубра, принадлежавших по меньшей мере шести взрослым и двум неполовозрелым особям животных этого вида (ibid.: 110). Захоронений мужских отчлененных черепов примерно столько же, сколько женских (ibid.: 124). Статистика захоронений удовлетворяет самым строгим нормам математической обработки. В одном Иерихоне обнаружено 254 скелета, относящихся к периоду PPNA, и 232 скелета, относящихся к средней части периода PPNB (MPPNB). 33 черепа были перезахоронены индивидуально; 52 черепа происходят из двенадцати «каше» (Kuit 2000b: 149).

Типы захоронений периода PPNB южно-центрального Леванта, суммированные Ианом Кейтом, таковы:

1. Первичное захоронение взрослых индивидов, мужчин и женщин, в одиночных могилах.

2. Повторное отчленение черепов и последующее их хранение поодиночке или группами в «складах» («каше»).

3. Погребение младенцев обычно в отдельных могилах без отчленения черепов.

4. Единичные случаи захоронения взрослых индивидов в жилых зданиях или за их пределами без отчленения черепов (ibid: 145).

Можно предположить, что одновременно с возникновением культа предков возник и унилинейный десцент, возводящий родственные структуры, имеющиеся в данный момент времени, от предков – «учредителей» земледелия. Но, поскольку это, скорее всего, были не «учредители», а «учредительницы», то логично предположить, что и счет родства (десцент) должен был вестись по женским линиям. Унилинейный десцент (счет родства) подразумевает: 1) интерес к относительно глубоким генеалогиям и 2) дискриминацию одной из линий родства в пользу другой. Родственники по линии отца считаются «менее важными» или наоборот. (Примеры идеологического обоснования такой интерпретации родства уже были приведены выше.) Если нет обоих условий, мы имеем дело с билатеральным обществом, в котором нет унилинейных десцентных групп. Если отсутствует лишь второе из условий, то возможны два варианта:

1) Двойной десцент, при котором матрилинейные и патрилинейные родственные объединения существуют одновременно, раздельно и выполняют разные функции (как в Западной Африке у народов группы *лоби-бирифор*, например). Сосуществование матрилинейного и патрилинейного десцента, на основе которого формируются родственные группы с разными соци-

альными функциями, отмечено, к примеру, во многих этнокультурных объединениях австралийских аборигенов (подробнее см. Артемова 2009: 265–340).

2) Амбилинейный десцент, при котором имеются десцентные группы, включающие людей, ведущих свое происхождение от первопредка (основателя группы, мифического или реального) либо по отцовской линии, либо по материнской. Выбор осуществляется для каждого индивида отдельно в зависимости от сложного сочетания обстоятельств текущей жизни. Такая система существовала во многих полинезийских обществах. На основе амбилинейных десцентных групп часто формировались крупные домохозяйства – например, *ванау* (whānau) у *маори* Новой Зеландии.

Нужно отметить, что археологические данные, относящиеся к ранненеолитическому (докерамическому) Леванту, не содержат (и скорее всего, не могут содержать) определенных указаний на ту или иную форму десцента у носителей культур той эпохи, равно как и нет прямых археологических свидетельств того, что культ предков у них был культом предков того или иного пола, а также эти данные ничего не говорят нам определенного о гендерной принадлежности отправителей культа.

Однако раскопки среднего и позднего периодов PPNB (MPPNB и LPPNB соответственно) обнаруживают множество небольших глиняных антропоморфных статуэток. В один только сезон 1983/1984 гг. при раскопках поселения Айн Газал (Иордания) их было обнаружено около сорока. Шесть из них были классифицированы Роллефсоном и соавторами как женские, у остальных же сохранились лишь головы и верхние части торсов при отсутствии данных, позволяющих определить пол. Сходные статуэтки были найдены и в других поселениях этого периода (Kuit 2000b: 150).

Антропоморфные статуэтки были найдены и вместе с перезахороненными черепами в «каше» в поселениях Иерихон, Рамад и Айн Газал. В Айн Газале три статуэтки такого типа были «двухголовыми». Обе головы той статуэтки, которая приведена на фотографии на стр. 174 статьи Роллефсона, имеют прически, идентичные прическам знаменитых «богинь с леопардами» Хаджилара и Чатал-Хююка. Одноголовая статуя, 90 см высотой, фотография которой помещена на стр. 173, явно женская. На стр. 169 и 179 помещены фотографии двух статуэток «богинь плодородия». Обе статуэтки «обезглавлены» (Rollefson 2000). Все приведенные фотографии иллюстрируют материалы из поселения Айн Газал периодов MPPNB – PPNC.

Кейт рассматривает два сценария, согласно которым могли осуществляться церемонии перезахоронения черепов в общинах неолитических земледельцев Леванта периода PPNB. В первом варианте они могли быть связаны с ритуальной деятельностью одного домохозяйства. Этот сценарий менее вероятен, и мы не рассматриваем его подробно. Ограничимся тем, что он подразумевает (так считает И. Кейт, и трудно с ним не согласиться) существенную социальную дифференциацию среди домохозяйств, которая должна отразиться в погребальном инвентаре, характере домов и некоторых других «археологически видимых» аспектах материальной культуры.

Во втором случае, если захоронение было делом многих домохозяйств и даже общины в целом, в зависимости от размера неолитического сообщества (а мы видели, что эти размеры могли доходить до нескольких сот человек и более) церемония публичного перезахоронения черепа важного умершего члена общины могла иметь место раз в год, например, и принимала общий публичный характер. Она требовала, разумеется, значительных затрат – трудовых, организационных, экономических (на приготовление пищи и др.).

И. Кейт приходит к такому выводу: археологические материалы свидетельствуют о **стандартизации** в период MPPNB размеров, формы и внутренней организации жилищ в пределах общины (поселения или группы близлежащих поселений). С другой стороны, данные по захоронениям показывают наличие слабых, но все же заметных отношений напряженности и конкуренции между домохозяйствами в рамках доминирования в общине эгалитарного этоса.

Кейт употребляет здесь термин не «домохозяйства» (housholds), а «дома» (Houses) в леви-строссовском смысле (Kuit 2000b: 155-156). Я думаю, что это были матрилиниджи-домохозяйства, как у ирокезов. Материальное выражение упомянутая конкуренция находит в разных пропорциях тех групп населения, останки представителей которых подвергались после смерти тщательно организованному перезахоронению. Например, примерно 70 % взрослого населения в поселениях Айн Газал и Иерихон хоронились повторно с отчленением черепов. Черепа только 20 % взрослого населения хоронились, по подсчетам археологов, в «каше» – и еще меньший процент черепов подвергался «обработке» путем накладывания гипсовых масок, раскраски охрой и т. п. Кроме того, черепа многих индивидов с искусственной деформацией происходят именно из «каше» (ibid.: 156–157).

Итак, в период PPNB произошла стандартизация погребальных практик, увеличение трудового вклада в их организацию и проведение; превращение их в общественные события с публичным участием в этих мероприятиях многих домохозяйств (см. Hogenboom 2016). При этом структура общин и поселений оставалась существенно эгалитарной. Учитывая объемность новых организационных задач, вставших перед общинами в такой ситуации, и то, что косвенные данные свидетельствуют о зарождении в этот период культа предков и десцентных групп (кланов или, скорее, линиджей), совершенно невероятно, что патрилинейный их вариант не привел бы к существенной иерархизации общества, концентрации власти внутри определенных патрилиниджей. Однако этого не произошло. Общества PPNB продолжали оставаться эгалитарными. Какой мощный фактор мог поддерживать эту эгалитарность, противодействуя тенденциям социальной иерархизации, для которых были все предпосылки: возможность узурпирования функций организации общественных работ, распределения связанных с ними ресурсов, ритуальных функций, доступа к редким и ключевым ресурсам, организации мер по снятию скалярного стресса и т. п.?

Единственным социальным фактором, который мог бы сдерживать все эти тенденции и противостоять им, могла быть, на мой взгляд, только матрица M2 (матрилинейность + матрилокальность), препятствующая концентрации мужской власти, авторитета и внутриобщинного неравенства, сопряженного с развитием индивидуального (а точнее, «линиджного») насилия. К счастью (для будущего человечества, имеющего ныне возможность обозревать традиционные формы организации, альтернативные мужскому насилию), «магическая» подоплека земледелия, созданного, как я думаю, женщинами, обеспечивала необходимые предпосылки для развития очередной социально-исторической бифуркации в сторону матрилинейности (матрицы M2). На время матрилинейность возобладала над всеми альтернативными формами социальной организации. Патрилинейности еще не было, а билатеральность охотников-собирателей (ввиду демографического фактора) не могла противостоять матрилинейности неолитических земледельцев. При переходе к земледелию плотность населения в соответствующих зонах увеличивалась в 8–10 раз.

Иными словами, на месте бэнда размером в 25–70 человек «вырастало» сплоченное неолитическое племя численностью примерно в 500 человек. Его победное шествие по планете было неизбежно. Где-то оно осуществлялось в виде культурной диффузии, а где-то (в случае европейских культур линейно-ленточной керамики, например) – в форме демического фронта. (Еще одним примером продвижения демического фронта земледельцев в среде охотников-собирателей является миграция народов банту в Африке южнее Сахары.) Начавшись как неолитическая экспансия, она, впрочем, оказалась впоследствии существенно усиленной после усвоения некоторыми популяциями протобанту навыков обработки железа, что выводит ее (миграцию) за пределы тематики, обсуждаемой в данной книге.

В 1995 г. Дж. М. Фейнман предложил замечательную модель, описывающую наблюдаемые в археологии различия при переходе от сравнительно простых охотничье-собирательских обществ к обществам со значительной культурной сложностью (cultural complexity). Он

предложил типологически различать две модели, два способа решения возникающих при увеличении сложности социальных структур проблем: сетевой (network path) и корпоративный (corporate path). Свидетельствами применения первой, сетевой, являются очевидные различия между домохозяйствами (в размерах жилищ, богатстве инвентаря и импортируемых редких материалов и изделий из них и т. п.), наличие специализированных видов ремесла, свидетельства дистанционной торговли (часто редкими и, следовательно, престижными предметами и материалами) и личной сетевой власти отдельных индивидов или групп связанных между собой индивидов. В случае применения обществами корпоративной стратегии все эти отличия смазаны или отсутствуют, зато очевидны минимальные экономические различия между домохозяйствами, отсутствие «демонстрации» богатства, свидетельства интеграции социальных сегментов, важности родственной аффилиации, акцент на коллективные ритуалы, возможное наличие общих храмовых сооружений (Feinman 1995).

Разумеется, эти модели являются в известной степени абстракциями; в реальных археологических культурах могут встречаться свидетельства комбинированного использования обеих моделей. Но самое (для меня) замечательное то, что пока никто из археологов не заметил, что большинство этнографических моделей, иллюстрирующих сетевую стратегию, относятся к матрилинейно-матрилокальным обществам (например, соответствующим группам индейцев пуэбло Юго-Запада США). Социальная бифуркация: матрилинейность versus патрилинейность – не иллюзия и не надуманная неуемным воображением антрополога конструкция; альтернативный «выбор» конкретными обществами одного из этих путей неоднократно случался в истории и определял массу зависимых социальных параметров. Следовательно, конкретные случаи этой бифуркации просто «обязаны» оставлять археологические следы. Ясно, что классический ранний неолит Леванта дает яркий пример действия корпоративной стратегии на пути к «неравенству», что и было отмечено Брайэном Бердом (Byrd 2000: 91–92). Разумеется, в его статье, как это приличествует солидному археологу, нет никаких упоминаний о матрилинейности или матрилокальности. Но я не археолог, а социальный антрополог.

Этнографические параллели, которые приводят археологи реконструируемому ими поведению неолитических обитателей Леванта, весьма красноречивы. Например, Иан Кейт в статье, посвященной ритуальным практикам периода PPNB и их возможной связи с воспроизведением и упрочением эгалитарного этоса, все свои этнографические параллели черпает из австронезийских культур Юго-Восточной Азии (Crocker 1977; Hertz 1970; Kan 1989; Kuit 1996; Lopatin 1960; Metcalf and Huntington 1991; Weiner 1976). Но именно в этих культурах в наиболее полной форме представлено поклонение Хозяйке Мира (фигуре типа Мулуа Сатене), олицетворяемой Великой Змеей. У ряда австронезийских народов Юго-Восточной Азии (а также у жителей Окинавских островов в южной Японии) до сих пор жрицами, осуществляющими культы плодородия и являющимися хранительницами связанных с этими культами священных (устных) текстов, являются женщины. Посмотрим, на какие работы ссылается Иан Кейт. Это: Downs 1956, Hertz 1960, Hudson 1966, Metcalf and Huntington 1991. Все они посвящены австронезийским народам Юго-Восточной Азии. К этому же кругу относятся *ма'аньян* (Ma'anyan) Калимантана и *тораджа* центральной части острова Сулавеси (Kuit 2000b: 144).

Кроме региона Юго-Восточной Азии значительное число матрилинейных обществ было зафиксировано этнографами и историками в Африке и обеих Америках.

Далее я рассмотрю по отдельности некоторые этнографические примеры из разных регионов мира и сопоставлю их с данными истории, археологии и лингвистики. Но прежде необходимо охарактеризовать еще два социально-организационных феномена, которым я придаю большое значение и которые будут фигурировать в последующих разделах.

3. Феномен матрицентричности

Явление, которое весьма вероятно имело место в древности (по сравнению, например, с XIX в. прошлого тысячелетия), – это гораздо более широкое распространение матрицентрических обществ (часто одновременно и матрилинейных, и матрилокальных).

Далеко не все исследователи согласны с тем, что правомерно выделять особый тип социальных структур, с которыми связывают термин «матрицентричность». Термин этот был предложен М. Л. Бертоном и соавторами в 1996 г. (Burton et al. 1996), и ими же выделены признаки соответствующих форм социального структурирования. На мой взгляд, и сам термин, и стоящее за ним содержание не только правомерны, но и совершенно необходимы для понимания социальной жизни дописьменных и бесписьменных, а также раннегосударственных обществ.

Матрицентричность конкретного общества, по определению Бертона и соавторов, – это наличие в нем совокупных черт социальной структуры, корреляционно связанных с матрилинейностью, даже если сама матрилинейность в этом обществе (например, у *кайянов* или *клементанов* Калимантана) отсутствует. Перечень матрицентрических признаков, предложенный Бертоном и соавторами, выглядит следующим образом:

А. Черты социальной организации, корреляционно связанные с матрилинейностью:

1) наличие дисперсных матрилинейных объединений (сибов);

2) матри/уксорилокальность;

3) сегментированные общины;

4) локализованные матрилинейные группы;

5) независимые (independent) семьи;

6) отсутствие обменных браков;

7) моногамия.

Б. Матрицентрические признаки в терминологии родства:

1) «бифуркативно-сливающий» термин и гавайский (генерационный) термин для ДжРР (в русском языке – тётя, в английском – aunt. – *А. К.*);

2) терминология *кроу* для кузенов и кузин;

3) «сливающий» термин для прадедов и прабабок;

4) «бифуркативно-сливающий» термин для ДмРР (дяди).

Перечисленные признаки расположены (в обеих категориях) по степени убывания силы корреляционной зависимости с признаком (переменной) «матрилинейность». Согласно авторам, предложившим изложенную выше систему характеристики социальной организации, «матрицентрические общества имеют тенденцию организовывать родственные группы вокруг женщин (это выражение надо понимать социально-антропологически, а не буквально. – *А. К.*) посредством матрилокального/уксорилокального брака или принадлежности к матрилинейным родственным группам» (Burton et al. 1996: 93).

Патрицентричность – это совокупность таких параметров культуры, которые корреляционно связаны с показателем патрилинейности.

4. Корреляция между частотой военных столкновений и формами десцента

Для изучения любых форм социальной жизни очень важно знать, как часто приходится людям вести военные действия и какой именно характер эти военные действия принимают. При этом некоторые исследователи придают большое значение разграничению между так называемыми «внутренней» и «внешней» военной активностью («internal warfare» и «external warfare»). В первом случае имеются в виду военные столкновения между группами, принадлежащими к одной этнической (этнокультурной, этнолингвистической) или относительно крупной племенной общности, во втором – между группами, принадлежащими к разным относительно крупным общностям. Для простоты мы будем говорить далее о «внутренней войне» и «внешней войне», отдавая себе отчет в условности обоих терминов, так как между социальными антропологами отнюдь нет согласия в том, можно ли считать войной в полном смысле этого слова те вооруженные столкновения и те формы организованного насилия, которые имели место в догосударственных или безгосударственных обществах, в первую очередь – у охотников и собирателей. Оба типа «войны» самым существенным образом сказывались на формах структуризации социальных групп. Однако для моей темы – изучения путей развития матрилинейной родственной организации – особое значение имеет внутренняя война.

В донеолитическое время значительная часть охотников-собирателей жила в сравнительно благоприятных природных условиях, но групповая конкуренция за возможности осваивать наиболее выгодные экологические ниши все же была. Однако мы не можем сказать, велась ли в такого рода экологических зонах внутренняя война, или же вооруженные конфликты возникали преимущественно между разнокультурными социальными группами (сообществами). Этнография «современных» охотников-собирателей дает примеры обоих типов военной активности – и внутренней, и внешней. К первым можно отнести, например, военные действия аборигенов юго-запада и северо-востока Австралии; ко вторым – индейцев смежных районов северо-западных прерий и Большого Бассейна. Все же мы склоняемся к мысли (предварительной гипотезе) о том, что формирование этнических коалиций (и следовательно, этнического самосознания) у охотников-собирателей стало обычным делом уже в условиях их информационного обмена с культурами производящего хозяйства, т. е. в посленеолитическое время. В пользу такого предположения можно привести ряд последовательных аргументов (см. Приложение II).

Известна положительная корреляция[2] между обществами с отсутствием внутренней войны и фактором матрилинейности. Кроме того, замечательный американский ученый, крупный специалист по теории первобытной агрессии, У. Т. Ди Вейл установил корреляционную зависимость между матрилинейностью и фактором недавних миграций. Соблазнительно задаться вопросом: что, если обе эти корреляционные зависимости помогут нам в поисках следов матрилинейности у ранних мотыжных земледельцев?

Нам уже приходилось совместно с А. В. Коротаевым (Korotayev, Kazankov 2000) проводить формальное кросскультурное исследование, установившее положительные корреляции между мотыжным земледелием, матрилинейностью и относительно высокими показателями для социального статуса женщин. В Приложении I можно ознакомиться с использованными нами исследовательскими процедурами, конкретными их результатами и нашими интерпретационными приемами. В дальнейшем изложении обеим корреляционным зависимостям предстоит сослужить свою службу при анализе археологической информации.

[2] Устанавливается путем сложных процедур формальных кросскультурных исследований.

5. Региональные экскурсы: данные этнографии, археологии и истории

Африка этнографическая и историческая

Очевидно, что Африка является одним из районов первоначальной экспансии левантийских неолитических земледельцев (а за ними и скотоводов). Можно было бы рассмотреть вначале зону распространения матрилинейности в Африке, географически наименее удаленную от Леванта (это Нубия и прилегающие области). Но я, в целях усиления своей аргументации, поступлю по-другому. Начну с культурологических свидетельств широкого распространения (в прошлом) матрилинейности у народов банту, расселенных к югу от Сахары, и с важной для меня полемики с Дж. П. Мердоком.

Обсуждая эту проблему, Мердок приходит к следующему общему выводу: «Двадцать три племени банту, довольно неожиданно для столь вызывающе патриархального региона, дают совершенно очевидные свидетельства схождения к прототипу матрилинейной структуры, возможно ирокезского типа. Только чева, ила, конго, ламба, мбунду и яо матрилинейны и поныне с полным отсутствием указаний на существование в прошлом структур иных, чем ирокезская или кроу. У гереро, венда… тсвана… бена, ганда, хенга, педи и свази, однако, есть ясные свидетельства в современной социальной структуре, указывающие на происхождение от того же прототипа, а структуры типа омаха у китара и ленге имеют сходные отклонения в матрилинейном направлении» (Murdock 1959: 348).

В обзоре социальных структур Дарфура (запад Республики Судан) Мердок (ibid.: 134–135) не упомянул о хорошо известной матрилинейности народа *фур*. Зато про нубийцев Мердок пишет «Это явно свидетельствует в пользу того, что все нуба были первоначально матрилинейны и что переход к патрилинейной организации произошел у них относительно недавно под воздействием соседних народов, предоставивших модели иной социальной организации» (idid: 167–168).

Заметим, что Дж. П. Мердок относился крайне негативно к диффузионистским моделям объяснения этнологических фактов и, собственно говоря, цитируемую здесь книгу «Африка, ее народы и их культурная история», так же как и книгу «Социальная структура», посвятил тому, чтобы показать, что типы социальной структуры возникали чересполосно и независимо друг от друга. Он писал: «Британские диффузионисты выводят матрилинейные структуры из единого центра в Древнем Египте на столь слабых основаниях, что эта теория ныне совершенно отвергнута… В том, что они (культурные распространения в форме диффузии. – *А. К.*) являются нормой в истории, не приходится теперь сомневаться. Но одно из наиболее неожиданных заключений, к которому приводят результаты данного исследования, это то, что черты социальной организации практически не показывают ареального распределения этого типа)… и правда, они редко выходят за пределы одной культурной зоны или малой части племен одной лингвистической семьи» (ibid: 192).

Это заключение (за исключением тезиса о Египте), как мы покажем, было совершенно неверным, и надо сказать, что собственные материалы Мердока по Африке (например, только что представленные выше) его опровергают. Народы становятся матри- или патрилинейными главным образом не потому, что в настоящий момент или в недавнем прошлом этому способствуют какие-либо «факторы», а потому, что их предки имели в прошлом эти типы социальной организации; а матрилинейный социальный тип, возможно, возникал в социальной истории Старого Света (на ее «земледельческом»/ «производящем» отрезке) только один раз. Дальше он только распространялся – из Ближнего Востока в Европу, Африку, Восточную и

Юго-Восточную Азию и Океанию. Материалы по сравнительной мифологии и лингвистике подтверждают, как мы постараемся показать, именно такой сценарий.

Задача исследования истории матрилинейности на Гвинейском побережье, или в Северной Африке (в неолите Сахары), или даже в южной Аравии – это обширная и особая тема, но я нисколько не сомневаюсь, что такое исследование (или серии исследований) принесут точно такие же результаты, как и социальный экскурс Мердока в историю банту. Что на это указывает? Характер расположения «современных» ареалов распространения матрилинейных и матрицентричных обществ. Слово «современный» я здесь и в сходных контекстах употребляю в качестве синонима выражению «известный по этнографическим источникам».

Рассмотрим теперь более подробно характер распространения указанных черт социальной организации в северной части Африки (включая Сахару, Эритрею и Эфиопию).

Начнем обзор с востока и будем продвигаться на запад.

В Древнем Египте начиная с династических эпох матрилинейности не было (о ней нет никаких данных). Есть, правда, любопытный факт того, что женский статус сравнительно плавно снижался за весь период существования древнеегипетского государства – от древнего царства через Средний Египет к Египту Птолемеев (А. А. Банщикова, личное сообщение).

Совсем другая картина у ближайших южных соседей Египта – нубийцев (см. выше вывод Дж. П. Мердока). К тому, что реконструируемая социальная матрица нубийцев была матрилинейной, можно добавить факты типично матрилинейного наследования власти в древненубийских государствах (Мероэ и Напата) – от правителя к старшему сыну его старшей сестры – и длинную серию великих правительниц Нубии – кандаке (Кацнельсон 1970: 341; Ancient Nubia: 2). В переводе это слово означает «Великая женщина» (Fluehr-Lobban: 1). В период с 260 г. до н. э. по 320 г. н. э. в Мероэ правили по меньшей мере десять кандаке и не менее шести – в период с 60 г. до н. э. по 80 г. н. э. (Adams 1994: 5, 9). Мероитские правительницы изображались на стелах одетыми в царские регалии, в то время как Хатшепсут, самая знаменитая женщина-фараон Древнего Египта, изображена на стелах как мужчина.

Согласно Страбону, одной из знаменитых цариц Куша была Аманиренас. В 24 г. до н. э. она лично вела в бой своих воинов, которые нанесли поражение трем римским когортам (Египет был тогда под властью Рима и подвергался набегам нубийских отрядов). В этой битве Аманиренас потеряла один глаз, но это только сделало ее еще более воинственной. Ее называли «одноглазая кандаке» (Страбон, География; Nubia: 4). Подвиги Аманиренас перекликаются с похожим поведением легендарной предводительницы туарегов… а также берберской воительницы Аль-Каины (Al-Kahina), «королевы берберов», которая возглавляла оборону родного Магриба от арабов в 693–698 гг. н. э. и сложила жизнь в этой борьбе (Fluehr-Lobban 1998: 1).

Беджа (народ на северо-востоке Судана и на западе Эритреи) тоже были матрилинейны в XV веке н. э. (Берзина, Куббель 1979: 302–303).

Итак, можно сделать вывод, что нубийцы с начала своего этногенеза были матрилинейны. Это преимущественно земледельческий народ. Тот факт, что большая часть современных нубийцев патрилинейна (*кенузи*, например) нисколько не должен смущать того исследователя, который знаком с длительной и болезненной историей постепенной исламизации нубийцев Египта и Судана, когда оставаться «язычником» значило быть объектом безудержной и безжалостной охоты за рабами. Сейчас те нубийцы, которые остаются матрилинейными, живут в наиболее труднодоступной и наиболее отдаленной от исламских центров Северного Судана южной части Нубийского нагорья. Они, естественно, в наиболее полной мере, по сравнению с остальными нубийскими группами, сохранили традиционную, относительно неисламизированную культуру (Manger 1994). Социальная организация и обычаи нубийцев южной части одноименного нагорья были такими же, как у их соседей, говоривших на кордофанских языках. Для *лафофа*, которых Л. Мангер называет «одной из матрилинейных нубийских групп», эти обычаи могут быть вкратце описаны нижеследующим образом.

«Женитьба в прошлом не входила в число главных церемониальных событий. Молодые люди улаживали свои любовные дела, и если они хотели жениться, то говорили об этом своим родителям, которые обычно давали согласие. Связь между женихом и семейством невесты устанавливалась посредством института отработки за невесту. Свадьба сама по себе была незначительным событием, хотя она, конечно, сопровождалась празднеством, в котором потребление пива играло важную роль» (Manger 1994: 4). В жизни молодых людей и девушек племени лафофа важную роль играли сообщества сверстников, церемонии ритуального «уединения» (seclusion), которые совершались по достижении ими половой зрелости. Юноши проводили сезон дождей в краалях, ухаживая за скотом (ведущую роль в хозяйстве горных «нубийцев» играло земледелие). По окончании этого периода они возвращались в деревню, где по этому поводу устраивалась особая церемония. Аналог этих обрядов для девушек заключался в заточении их в хранилищах для зерна, что ясно показывало символическую связь между наступлением менструаций и общим принципом фертильности.

В деревнях лафофа существовали особые эксперты в различных областях деятельности, главным из них был специалист по вызыванию дождя – куджур (kujūr). Этот человек держался с особым достоинством, поскольку считалось, что от предков он был наделен способностью вызывать дождь – ключевой фактор успешности земледелия. За его заслуги либо расплачивались пивом, либо обрабатывали его участок земли. Кроме того, были и другие эксперты – лекари, кузнецы, специалисты по земледельческим культурам. В качестве обычной меры расчета за их услуги служило пиво. Вертикальная организация власти вне пределов автономных деревень отсутствовала (ibidem), что делало горных «нубийцев» (язык лафофа, напоминаю, принадлежит к кордофанской семье нигеро-сахарской макросемьи) удобным объектом для набегов арабских работорговцев.

Западные соседи нубийцев Кордофана – фур. В позднем Средневековье у них сложилось государственное объединение – Дарфурский султанат, поэтому они могли защищать себя от набегов работорговцев более эффективно, чем нубийцы (последнее нубийское государство – Донгола, которое, кстати, было христианским, рухнуло под ударами турок-мамлюков в середине XVI века н. э.).

Фур – это древний земледельческий народ; все группы фур матрилинейны.

На восток от Дарфура, в смежных районах Судана и Эфиопии, проживают представители крупного культурного блока *удук*, социальная организация которых преимущественно матрилинейна.

На запад от Дарфура, уже в Сахаре (нагорье Тибести), проживают *теда*. Они патрилинейны, хотя женщины занимают в их обществе значительно более высокое положение, чем у арабов *баггара*. Баггара (или *шоа*) – это кочевые арабы Восточного и Центрального Судана. Они, в частности, занимают к северу от фур экологическую нишу, подобную занимаемой теда. В нагорье Тибести теда сочетают скотоводство и земледелие, хотя они в большей степени скотоводы (разводят коз и верблюдов), чем земледельцы.

Далее, к западу от теда, бескрайние просторы Центральной Сахары занимают *туареги* (самоназвание *кель тамашек, кель тамахак* и т. п., то есть «люди, говорящие на языке тамашек»). В отличие от теда, туареги – специализированные скотоводы. Согласно их традиционным представлениям, «ковыряться в земле» – позорно. Земледелием начали заниматься освобожденные рабы туарегов – бэлла. Бэлла – это сонгайское (правильнее – сонрайское, «р» – «картавое») слово. Северные туареги называют рабов *иклан,* то есть «люди без матери». По данным XIX – начала XX в. прошлого тысячелетия в большинстве туарегских конфедераций в базовой социальной организации были представлены обе формы унилинейности. Говоря короче, туареги имели двойной десцент. Родственные группы у туарегов ассоциируются с частями человеческого тела (человек, как известно, мерило всех вещей): арури (aruri), «спина», – родственные группы мужчин, связанных патрилинейно, теса (tèsa),

«живот», – группы родственников, связанных матрилинейно и, в некоторых племенах, – тегехе, «печень», – люди, ведущие свое происхождение по материнским линиям от женских предков-ортокузенов (tèGehè). Особенностью номенклатуры родства (система терминов, употребляемых для обозначения родственников, она всегда предназначена для индивидуального употребления и описывается в этнографии с позиций условного индивида, называемого эго) является то, что термин, которым обозначается отец эго, часто применяется (метафорически) и к его дяде со стороны матери, и этого родственника – брата матери – «боятся» (Nicolaisen Bernus 1984: 617, 657).

По данным «Этнографического атласа» Дж. П. Мердока, из всех кель тамашек матрилокальны лишь удалан – наиболее южная группа туарегов, живущая в северной части Буркина-Фасо.

Туареги стали формальными мусульманами с XVI в. н. э., но до сих пор они являются очень поверхностными мусульманами, поскольку значительная часть их обычаев прямо противоположна нормам шариата. Только сравнительно недавно в результате усиления исламизации некоторые группы стали переходить к патрилинейности. Про себя они говорят: «Мы не белые и не арабы». В числе их обычаев, противоположных нормам шариата, есть ахал – обычай свободного сексуального общения между представителями разных полов молодежи.

Почему даже у ярко выраженных кочевников в этой части Африки сложилась матрилинейная организация, хотя в целом скотоводство как социальный фактор имеет сильную положительную корреляцию с патрицентрическим комплексом культурных черт?

Вероятно, дело в том, что значительную роль в этногенезе туарегов сыграли земледельческо-скотоводческие общества (гараманты Феццана), предки которых в свою очередь имели тесные культурные связи с матрицентрическим эгейским миром (Поплинский 1978). Кроме того, реконструкция протоберберского языка показывает, что исходная матрица берберских (а туареги – это южные берберы) культур была матрилинейной.

Мавры Мавритании и Мали – это в недавнем прошлом (до XVI в. н. э.) *санхаджа*, кочевые берберы. Их мир в социально-бытовом отношении являлся продолжением туарегской Сахары на запад (их мужчины, в частности, также закрывали свои лица литамом – синим покрывалом, как и кель тамашек). Кстати, одна из гипотез относительно причин, по которым мужчины туарегов стали закрывать лица, сводится к тому, что это делалось в подражание манерам древних правительниц. Среди ливийских стел имеется изображение правителя, одетого в женские наряды. Подобная традиция до сих пор сохранилась в Японии, где император во время коронации переодевается в женское платье. Согласно синтоистской религии, считается, что все японцы – и в первую очередь император – ведут свое происхождение от солнечной богини Аматерасу.

Итак, что мы находим в Северной Африке?

От Атлантического океана до границ Египта протянулся сплошной пояс либо современной, либо реконструируемой матрилинейности, пояс, который разрывают в двух местах теда и древние египтяне. Теда – это одно исключение, подтверждающее, подобно *каренам* Бирмы (см. ниже), общее правило статистического характера закономерностей в социальной антропологии. Египтяне же – семиты Африки, им в эпоху складывания государственности «положено» быть патрилинейными.

Южнее Египта гигантская зона матрилинейности охватывает Кордофан и смежные районы Дарфура (к западу от Кордофана) и западной Эфиопии (к востоку от Кордофана). На значительном удалении от этого гигантского центра матрилинейности проживают матрилинейные народы Эритреи: *нара* и *кунама*. Многочисленные нубийские группы, народы группы *удук*, этнические группы фур, кунама и нара – все они говорят на языках нило-сахарской макросемьи. Немногочисленные группы населения, говорящего на кордофанских языках, принадлежащих к нигеро-кордофанской макросемье, островками разбросаны по Кордофанскому наго-

рью; они имеют такую же социальную организацию, как и окружающие их племена горных нубийцев.

Теперь переходим к Гвинейскому побережью и народам вольтийской (гур) семьи нигеро-кордофанской макросемьи.

В Этнографическом атласе Дж. П. Мердока таблица с перечнем матрилокальных народов Африки выглядит следующим образом. (Мы приводим ее для того, чтобы эти данные стали доступны читателям, не привыкшим работать с базами данных, которые к тому же надо либо покупать, либо доставать из Интернета или у знакомых ученых.) Перечень народов организован по регионам проживания, а внутри регионов – по алфавиту названий народов.

Название	Регион	Языковая принадлежность
Туареги-удалан	Буркина-Фасо	Афразийская макросемья
Коронго	Восточный Судан	Нило-сахарская макросемья, неклассиф.
Нубийцы-месакин		Нило-сахарская макросемья
Аладжа	Гвинейское побережье	Семья ква
Ашанти		
Бауле		
Бижаго	Гвинея-Бисау	Атлантическая семья
Коньяги	Западный Судан	
Дака	Нигерийское плато	Бенуэ-конголезская семья
Гуре		
Джибу		
Лонгуда		
Ндоро		
Бемба	Центральные банту	
Бунда		
Буйе		
Дзинг		
Йомбе		
Каонде		

Название	Регион	Языковая принадлежность
Конго	Центральные банту	Бенуэ-конголезская семья
Куба		
Кунда		
Лала		
Ламба		
Леле		
Луапула		
Лува		
Лувале		
Лучази		
Маконде		
Макуа		
Мбала		
Ндембу		
Ньянджа		
Ньяса		
Пенде		
Саката		
Сена		
Сонго		
Сунди		
Тонга (озерные)		
Шила		
Шого		
Шонго		
Чева		
Чокве		
Яка		
Янзи		
Яо		
Зигулу	Северо-восточные банту	
Кагуру		
Квере		
Лугуру		
Мбугве		
Нгулу		
Ньяньека	Юго-восточные банту	

Добавим к перечислению список матрилинейных, но не матрилокальных народов Африки. Это:

Название	Регион	Языковая принадлежность
Аджер (туареги)		Ливийско-гуанчская семья
Антессар (туареги)		
Асбен (туареги)		
Ахаггар (туареги)		
Гуанчи		
Ираку (Iraqw)	Танзания	Кушитская семья
Ньяро	Восточный Судан	Кордофанская ветвь
Фур		Нило-сахарская макросемья
Бареа	Эфиопия	
Кунама		
Бареа		
Нубийцы-миноби	Восточный Судан	
Туллиши		Нило-сахарская макросемья, неклассиф.
Коронго		Кордофанская ветвь
Ньяро (фунгур)		
Аброн	Гвинейское побережье	Семья ква
Авикам		
Адангме		
Аньи		
Ассини		
Афикпо		
Фанти		
Якёо		Бенуэ-конголезская семья
Шербро		Атлантическая семья
Бассари	Гвинея	
Волоф	Сенегал	
Серер		
Куланго	Западный Судан	Семья гур
Бирифор	Буркина-Фасо	
Буилса	Северная Гана	
Дагари		
Дагомба		
Доросие	Западный Судан	
Исала	Северная Гана	

Название	Регион	Языковая принадлежность
Кусаси	Северная Гана	Семья гур
Лоби	Буркина-Фасо	
Ловиили	Северная Гана	
Мампруси		
Нанкансе		
Талленси		
Чамба	Нигерийское плато	Семья убанги-адамауа
Ила		Центральные банту
Суку		
Теке		
Тонга (Плато)		
Дурума		Северо-восточные банту
Мбугве		
Ранги		
Дзем		Экваториальные банту
Кпе		
Мпонгве		
Нкундо		
Хереро (гереро)		Юго-западные банту

Итак, что мы видим?

С народами банту все ясно. Дж. П. Мердок, как уже говорилось, доказал, что исходная матрица их социальной организации была матрилинейной. В наибольшей степени она сохранилась у центральных банту, вследствие того, что они живут преимущественно в районах, зараженных мухой цеце и непригодных для разведения крупного рогатого скота. Еще раз напоминаю выражение Дейвида Аберле, что корова, говоря метафорически, была «главным врагом матрилинейности в Африке» (Aberle 1961: 680). Недавно этот образный тезис был подтвержден с помощью метода формальных кросскультурных исследований (Holden, Mace 2005).

Показательно, что именно центральные банту наиболее стойко сохранили матрилокальный тип поселения, что говорит о том, что и этот показатель характеризовал исходную социальную матрицу банту. Народы, говорящие на языках восточнобантиоидной группы, тоже исходно были матрилинейными, учитывая матрилинейность протобанту, значительное число матрилинейных восточнобантоидных этнических групп Нигерийского плато (*дака, гуре, джибу, лонгуда, ндоро*) и реконструируемую матрилинейность прото*иджо*.

Напоминаю читателям, что все языки банту являются слабодифференцированной частью восточнобантоидной группы, отколовшейся от последней примерно пять тысяч лет назад. Это выделение как раз и произошло в связи с овладением протобантуским населением навыками производящего хозяйства. Можно предположить, что они не были одиноки в этом процессе, а разделили его с прочими восточнобантоидными группами, оставшимися в Нигерии.

Так же ясна матрилинейность исходной социальной организации *гур,* несмотря на то что в настоящее время большинство этих народов не матрилинейны и не матрилокальны, а у значительной их части – двойной десцент.

У народов атлантической группы также была наверняка матрилинейная исходная матрица, значительное число их и сейчас матрилинейно: *шербро, бассери, биджого* и др., а некоторые – даже вопреки исламу и государственности (*волоф, серер*).

Народы коньяги и бассари, живущие в районах Гвинеи, прилегающих к Сенегалу, стойко сопротивлялись исламизации, исходившей от *фульбе*. Они наиболее архаичны в Гвинее – как в отношении одежды (ходили почти нагими), так и в отношении религии («язычники») и социальной организации (акефальные матрилинейные общества) (Сюрэ-Каналь 1973: 66). То, что *коньяги* и *бассари* матрилинейны, заставляет предположить, что первоначальная социальная матрица всех западнобантоидных (атлантических) народов была матрилинейна.

В дополнение к этому ярко выраженный скотоводческий народ – кочевые *фульбе-вудаабе*, говорящие на языке атлантической семьи, имеют странный (для патрилинейного народа, каковыми они являются) обычай парада красоты мужчин (*геревол*), победителя которого определяют женщины. Данный обычай, вызывающий в памяти *ахал* туарегов, посиделки нганасанов и малых народов Юго-Восточной Азии, снова свидетельствует в пользу предположения о том, что он и подобные ему культурные явления могут (или должны), в конечном счете, восходить к прототипу, матрице матрилинейной культуры, существовавшей, возможно, уже в ранненеолитических культурах Леванта.

Вудаабе в переводе – люди табу. Общий экзоэтноним кочевых фульбе – *бороро*, то есть «кочевник» на языке хауса. Вудаабе – это небольшая часть многомиллионного народа фульбе, расселенного в семнадцати странах Западной Африки. Вудаабе считают, что фульбе, оставляющие кочевой образ жизни и соответствующие культурные традиции, перестают быть настоящими фульбе. Они заключают браки почти исключительно внутри своего народа. Они патрилинейны, и суровая природа сахеля позволяет лишь раз в году собираться вместе всем рассредоточенным большую часть года патрикланам. Тогда и проводится большая часть их ритуалов, сопровождаемая пением и танцами. Эти собрания, кстати, вызывают у меня ассоциации с «обрядами знакомств» у народов Китая и Юго-Восточной Азии (группа *мяо-яо*) и у *нганасанов* (см. Чеглова 2008).

Для вудаабе самый важный праздник сезона дождей – «фестиваль» ворсо (worso), во время которого проводится знаменитый обряд геревол (geerewol). Геревол продолжается примерно неделю; осевым элементом этого празднества являются знаменитые марафонские состязания мужчин в красоте (марафонские парады красоты). Два главных танца в празднестве геревол – это собственно геревол, по имени которого и называется праздник, и танец яаке (yaake). Геревол – это наиболее престижный и регламентированный танец вудаабе; к участию в нем допускаются только самые красивые с точки зрения старейшин юноши.

В течение недели раскрашенные и украшенные мужчины периодически выстраиваются в два ряда и часами поют, ритмично двигаясь. Одновременно они гримасничают, выпучивают глаза и быстро двигают челюстями (два часа и более экстатического напряжения, и с каждым следующим этапом геревола интенсивность движений нарастает!). Таким образом мужчины демонстрируют свою красоту, сексуальный магнетизм, выносливость и привлекают молодых незамужних женщин. Все это сопровождается свободным хоровым полифоническим пением. На первый «взгляд» (слух) оно кажется совершенно аритмичным, но это не совсем так. В этом пении имеются волны нарастания пентатонических мелодических импровизаций, накладывающихся на стабильное звучание фона их октав, квинт, кварт и терций. Эти волны мелодических импровизаций медленно нарастают и спадают, а юноши поочередно поют то мелодии, то стабильные звуки, составляющие фон хора. Поют, естественно, все участники геревола, для тех, у кого нет музыкального слуха, участие в этом состязании совершенно бессмысленно. Я думаю, что таких мужчин среди кочевых фульбе мало, не говоря уже о женщинах.

Вудаабе считают себя самыми красивыми людьми на планете. Геревол предоставляет возможность знакомиться друг с другом молодым юношам и девушкам. «Жюри», определяющее победителя «парада красоты», – это три молодые незамужние женщины.

Добрачные половые отношения у вудаабе свободны (как и у туарегов), несмотря на то что обе группы номинально – мусульмане. Брачные нормы у вудаабе допускают полигинию. Женщины, недовольные своей семейной жизнью, могут во время геревола перейти к другому мужчине, но дети при этом остаются с бывшим мужем. Браки по любви, а не по расчету называются теегал (teegal). Они могут заключаться после бегства пары ночью – вслед за очередным туром мужского «парада красоты». Если бежавшим влюбленным удается зарезать овцу, зажарить ее мясо и отведать его до того, как их схватят родственники бежавшей женщины или ее муж, то новый брак считается заключенным и более не оспаривается.

Добрачная половая свобода вудаабе и туарегов (напоминаю, что номинально они – мусульмане) является одним из многочисленных элементов аргументации в пользу того, что вся родовая организация у них была когда-то матрилинейной. В Сенегале есть еще один мусульманский народ – волоф, который сохранил и матрилинейность, и свободу добрачных половых отношений.

Итак, социальная организация всех бантоидных групп восходит, по моему убеждению, к матрилинейной матрице. То же самое можно сказать про народы *ква и кру*. В пределах нигеро-кордофанской макросемьи остаются вне моего рассмотрения только народы, говорящие на языках подгрупп манде и убанги-адамауа. Как уже отмечалось, народы, говорящие на языках кордофанской подгруппы нигеро-кордофанской макросемьи, имеют общую историю с нубийцами одноименного нагорья Восточного Судана. Их в Кордофане люди, несведущие в лингвистике, называют просто нубийцами, не подозревая того, что кордофанские языки относятся не к нубийской группе нилосахарских языков, а к нигеро-кордофанской макросемье. В результате матрилинейные кордофанцы лафофа, например, характеризуются этнографами как нубийцы (Manger 1994: 4).

Итак, среди народов, говорящих на языках нигеро-кордофанской макросемьи, «остаточная» (residual) матрилинейность на первый взгляд отсутствует у тех, чьи языки относятся к семьям манде и убанги-адамауа. Можно предположить, что у манде она отсутствует по причине действия государственно-исламского фактора. В истории же народов убанги-адамауа, так же как у соседней нило-сахарской группы – центрально-суданской, возможно, сыграл роль тот же фактор, что и у нилотов, – действие сильного патрицентрического социального паттерна, проникшего в Африку из Передней Азии.

У нилотов, напомним, матрилинейной организации нет и в помине. Почему? Рассмотрим возможный сценарий действия гипотетического переднеазиатского фактора, упомянутого выше. Родина нилотов – области, прилегающие к среднему течению Нила. Но долина Нила была, как я говорил выше, оплотом матрилинейной организации земледельческих народов нубийской группы. Равнины же Судана, более пригодные для земледелия, чем скотоводства, стали ареной формирования социальной матрицы-антитезы нубийского образца. Возможно, что с ней охотничье-собирательских предков нилотов познакомили мигранты из Передней Азии, семиты или кушиты по языку (о миграциях протокушитских и протоомотских групп населения в Африку см. Blažek 2013: 1; Militarev 2005). Растворившись физико-антропологически среди протонилотского населения, они дали ему европеоидную примесь, которая в самой разной степени присутствует у всех нилотских групп и отличает их тем самым морфологически от типичных негроидов – нубийцев (и кордофанцев) Нубийского и Кордофанского нагорий. Данному сценарию соответствует слабая дифференцированность вариантов нилотской культуры и резкая конт растность их системы возрастных классов типу социальной организации матрилинейных нубийцев и кордофанцев.

Все перечисленные выше народы и этнические группы объединяют не какие-то мифические социальные или экологические факторы, способствующие **развитию** матрилинейности, а общая архаичность культуры, вызванная их географическим расположением по отношению к центрам проникновения патрилинейности в Африку, или экологические и культурные

факторы, способствовавшие сохранению, выживанию матрилинейной организации на общем фоне смены ее патрилинейной организацией. Не приходится сомневаться в том, что исходная социальная матрица ранних (неолитических) земледельцев в Африке была матрилинейной и матрилокальной – с какой бы лингвистической принадлежностью она ни была связана в эпоху своего проникновения в Африку. Этот вывод справедлив по отношению к представителям следующих языковых семей: бенуэ-конголезская (включая банту), берберская (ливийско-гуанчская), ква, кру, атлантическая, гур, нубийская, кордофанская. Относительно народов ква (йоруба или бини, например) ясно, что у них вряд ли была матрилинейность в период складывания государственности. Йоруба при этом – народ смешанного происхождения, а с бини придется разбираться специально.

Исходно патрилинейной была социальная матрица нилотов. Относительно кушитов вопрос открыт. Относительно нило-сахарцев на момент их перехода к производящим формам хозяйства вероятность матрилинейности их социальных моделей весьма велика. Разумеется, этот вывод не относится к периоду, в течение которого народы нило-сахарской макросемьи были охотниками-собирателями, а время распадения этой макросемьи на различные семьи оценивается как (примерно) 18 кн. Что же касается нило-сахарских земледельцев, то из них матрилинейны нубийцы, фур и удук (последние живут на границе Эфиопии и Судана – Davies 1995: 65–70; James 1979: 112) и два народа Эритреи (нара и кунама).

Проведем логический анализ. Из нило-сахарских народов только скотоводы являются патрилинейными. Дисперсно распределенные земледельцы разных групп – матрилинейны. Смежные районы – Кордофан и Дарфур – сплошь матрилинейны. Остаточные охотники-собиратели Эфиопии, как правило, нило-сахарцы по языку.

Предварительный вывод: нило-сахарцы ко времени попадания в Африку – охотники-собиратели (18 кн.). Кто же принес а Африку земледелие? Омотские народы. Следовательно, они-то и были (протоомотцы) первоначально матрилинейными. Сейчас у них матрилинейность не сохранилась, но сохранилась как ареальный рудимент у нило-сахарских земледельцев нара и кунама (у нара есть шаманки-женщины). Учитывая то, что Кордофан занимает центральное место в классификации языков нигеро-кордофанской макросемьи, а также наличие нило-сахарского субстрата в древнеегипетском языке, следует предположить, что омотские народы двигались вначале (в северной части своих миграций) между Красным морем и долиной Нила (в самой долине к югу от Египта жили предки нубийцев) и передали навыки земледелия как местным нило-сахарским этническим группам, так и представителям нигеро-кордофанской макросемьи (проживавшим в Кордофане). Общий вывод: все проникавшие в Африку группы неолитических земледельцев были матрилинейными (это очевидно также и для берберов). Если бы чадцы (народы, говорящие на языках чадской семьи афразийской макросемьи) были исключением в этом ряду, это выглядело бы крайне странно и нелогично. Поэтому следует предположить, что свидетельства былой матрилинейности (или хотя бы матрилокальности) чадских народов (в эпоху сложения этой языковой семьи) будут в будущем найдены.

Из всего этого следует, что патрилинейность нилотов имеет, скорее всего, своим истоком какой-то переднеазиатский по происхождению социальный образец. Надо думать, что и у народов группы манде доисламская матрица социальной организации была матрилинейной. Народы, говорящие на языках чадской семьи, требуют отдельного рассмотрения, но нельзя исключить, что их исходная социальная матрица также могла быть матрилинейной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.